

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:  
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ  
> 3 мѣсяца . . . . 6 »  
> 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются  
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ  
H. GEORG, Genève, rue de la  
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.  
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 18 февраля 1882  
6 февраля

## СОДЕРЖАНИЕ.

1) Китайскій социализмъ гр. Игнатъева и московскихъ народниковъ. — 2) Копенггагенскій и политическій трехимперскаго союза. — 3) Преемникъ барона Николая. — 4) Уточка обрусенія въ прибалтийскомъ краѣ. — 5) Прекращеніе «Порядка» и опасенія «Недѣля». — 6) Изгнаніе П. Л. Лаврова и порицаніе французскаго министра «Голосомъ». — 7) Діонизій III санктъ-петербургскій и Платонъ II московскій. (Сравнительно-историческая игра припроды) М. Драгоманова. — 8) Открытое письмо редактору «Вольнаго Слова» (изъ Сераева), Православнаго Славянина изъ Босніи. — 9) Письма о рабочемъ движеніи, XIV, П. Аксельрода. — 10) Мелочи: Пересыраніе фактовъ изъ внутренней русской жизни иностранными газетами; сочувственный адресъ Гамбетты французскимъ позитивистамъ; неизвѣстно для какой надобности пущенный слухъ. — 11) Литературныя объявленія.

ЖЕНЕВА, 18 февраля 1882 г.

Въ неразумномъ испугѣ пятясь назадъ передъ призракомъ европейской гражданственности, русское правительство все ближе и ближе подходит къ началу, много столѣтій тому назадъ положеннымъ въ основаніе государственно-экономическаго строя Небесной Имперіи. Бывшій посолъ въ Китаѣ, графъ Игнатъевъ, дѣлаетъ всѣ усилія для осуществленія идеала, представившагося болѣзненному воображенію Достоевскаго въ видѣ «христіанскаго» социализма и выдаваемого Иваномъ Аксаковымъ за общерусскую и даже всеславянскую самобытность. Судя по задуманному и частію уже приведенному въ исполненіе мѣрамъ правительства послѣдняго времени, а также по пользующимся большимъ кредитомъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ передовымъ (по мѣсту, разумѣется, а не по направленію) статьямъ «Руси» и письму редактора этой московской газеты къ не получившему никакого политическаго образованія ci-devant прусскому поручику, а нынѣ князю болгарскому, — наши «оздо-

ровители корней», «возродители національно-народной Россіи» остановились на разрѣшеніи слѣдующихъ задачъ:

Подѣлъ всего государства на земледѣльческія общины, лишеныя всякаго политическаго значенія.

Воспитаніе всѣхъ въ духѣ православной церкви.

Обще-обязательный государственный языкъ.

Повсюдное единообразіе политическихъ нравовъ и учреждений.

Уравненіе всѣхъ въ общемъ безправіи передъ всеильною единоличною властью.

Почтительное отношеніе главы государства только къ духовенству (разумѣется, православному).

Обращеніе верховнаго правителя съ подданными, какъ отца съ дѣтьми; откуда вытекаютъ какъ бы нравственные для него обязанности:

каратъ и миловать по внушенію совѣсти, а не на основаніи положительныхъ законовъ, только стѣсняющихъ свободу совѣсти;

выслушивать мнѣнія подданныхъ когда вздумается и о чемъ заблагоразсудится; руководствоваться высказанными мнѣніями, на сколько пожелается;

самому избирать себѣ пособниковъ въ управленіи страной, блюстителей исполненія и исполнителей своей нигѣмъ и ничѣмъ неограничиваемой воли, которая одна издастъ и отмѣняетъ законы.

Отвѣтственность правительственныхъ лицъ передъ одною только верховною властью, или передъ кѣмъ она укажетъ, да передъ богомъ — на страшномъ судѣ . . . . .

Мы ставимъ точки, потому что перечень задуманныхъ все въ томъ же родѣ благотѣній далеко не оконченъ, но мы не считаемъ себя въ правѣ утомлять вниманіе читателей изложеніемъ дальнѣй-

шихъ «предначертаній» въ духѣ общерусской, «всеславянской самобытности». Остановимся на разборѣ нѣкоторыхъ практическихъ частныхъ.

Прежде всего самъ собою подвергается вопросу: развѣ кто нибудь можетъ быть болѣе полнымъ, болѣе истиннымъ носителемъ «народныхъ началъ, національной сущности», кромѣ самой націи, самого народа?

Очевидно нѣтъ.

Такъ какимъ же образомъ государственная власть, не вытекающая изъ народнаго представительства, въ лицѣ своихъ агентовъ отъ мала до велика живущая обособленно отъ массъ жизнью, чуть ли не стоящая лагеремъ среди народа, можетъ руководить подвластными ей въ духѣ «народной самобытности»?

Очевидно не можетъ.

Но именно для этого, для того, чтобы власть не могла уклониться въ сторону отъ «народной самобытности», и необходимо, говорятъ намъ, «единеніе власти съ народомъ».

Хорошо. Но развѣ возможно единеніе съ началомъ враждебнымъ, чуждымъ по мысли и чувству народному духу? А такова именно стоящая лагеремъ среди народа наша нынѣшняя государственная власть, представляемая сонмомъ всякаго ранга чиновниковъ, своеобразно воспитанныхъ, замкнутыхъ въ бюрократическую касту. Стало быть, въ видахъ единенія власти съ народомъ, прежде всего необходимо измѣнить личный составъ правителей, взять ихъ изъ самого народа и поставить сразу въ такія отношенія къ послѣднему, чтобы съ теченіемъ времени они не могли вырождаться въ то крапивное семя, отъ котораго пошло и разрослось наше нынѣшнее чиновничество. Измѣнить личный составъ, конечно, легко, но вѣдь не въ этомъ суть дѣла, а въ томъ, чтобы представителю или агентовъ власти поста-

вить въ инныя отношенія къ народу, въ отношенія не вражды, а единенія, чтобы и они считали себя людьми отъ народа и народъ признавалъ ихъ своими.

Вотъ тутъ-то, когда рѣчь дойдетъ до установленія между обѣими сторонами полного согласія и единенія въ цѣляхъ, и обнаруживается вся несостоятельность теоріи «негосударственности русскаго народа», увѣренія будто русскій народъ чуждается самой идеи власти и желаетъ, чтобы эта послѣдняя исходила отъ лица и распредѣлялась по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія между людьми, стоящими внѣ всякаго контроля пароднаго. Какое можетъ быть единеніе въ цѣляхъ между правителями, когда важнѣйшая изъ государственныхъ функцій — законодательная дѣятельность, пронизывающая сверху до низу и по всѣмъ направленіямъ личную, домашнюю и общественную жизнь каждого человѣка, не поставлена въ тѣсную зависимость отъ воли населенія страны, не вытекаетъ изъ самой жизни, а создается гдѣ то въ искусственномъ административномъ центрѣ, по усмотрѣнію наименѣе заинтересованныхъ въ справедливомъ разрѣшеніи текущихъ вопросовъ, возникающихъ изъ ежедневнаго столкновенія разнообразныхъ интересовъ, вслѣдствіе постоянно усиливающегося осложненія отношеній нравственныхъ, экономическихъ, социальныхъ, вслѣдствіе духовнаго и матерьяльнаго роста общества, его самосознанія, того, что принято называть прогрессомъ и безъ чего немыслимо самое представленіе о народѣ, какъ о живомъ и нравственномъ организмѣ? Народъ, являющійся въ дѣлѣ законодательства только совѣтчикомъ власти (чего именно добивается для него часть московскихъ славянофиловъ), а не властнымъ рѣшителемъ, такой народъ неспособенъ къ самодѣятельности, не дозрѣлъ не только въ государственной, но и въ общественной жизни, обреченъ на непродолжительность всякаго рода, на внутреннюю неурядицу, потому что отсутствіе инициативы есть отсутствіе самосознанія, а потребность полагаться во всемъ на рѣшеніе власти есть признакъ «недужія духа», безучастнаго отношенія къ личнымъ и общественнымъ дѣламъ. Еслибы, къ несчастію, русскій народъ въ массѣ или, вѣрнѣе, въ своихъ темныхъ слояхъ и находился еще въ такомъ состояніи нравственнаго приниженія, то это вовсе не его «національная сущность», (какой былъ бы позоръ для націи, для русскаго имени!) а слѣдъ вѣками лежав-

шаго на немъ ярма крѣпостничества, доказательство, что еще до сихъ поръ — къ стыду нашему — практикуемыя надъ нимъ волостными правленіями и иными чинами уѣздной полиціи тѣлесныя наказанія, произвольные непосильные поборы, отсутствіе просвѣщенія, человѣческаго отношенія къ паствѣ православной церкви и проч. и проч., давящее его жизнь, уничтожающее его человѣческую личность не по его волѣ, а по волѣ носителей государственной власти, — не даетъ ему очнуться отъ страха передъ насиліемъ, мѣшаетъ, такъ сказать, прійти въ себя, сознать свою собственную мощь и заявить свое несомнѣнное, его человѣческой природѣ присущее право свободнаго и рѣшающаго участія въ государственной жизни.

Высказанныя соображенія вполне примѣнимы и къ вопросу о народномъ контролѣ надъ дѣйствіями мѣстныхъ и центральныхъ властей, т. е. что и въ дѣлѣ управленія страной на основаніи дѣйствующихъ законовъ созрѣвшій къ самодѣятельности народъ не позволитъ власти руководствоваться личными усмотрѣніями, не допустить ся агентовъ ни до насилія, ни до бездѣятельности.

Еслибы братья Аксаковы и послѣдователи ихъ ученія какъ въ публицистикѣ, такъ и на высшихъ административныхъ постахъ обладали бѣльшимъ политическимъ образованіемъ и болѣе основательнымъ знаніемъ исторіи, еслибы они въ состояніи были углубиться въ смыслъ явленій государственной жизни народовъ прошедшаго и настоящаго времени, то они увидѣли бы, что «народность» власти, излюбленное ими се «единеніе съ народомъ» возможны лишь при условіи полнаго отождествленія всѣхъ функцій власти съ волею народа. На дѣлѣ это отождествленіе выражается тѣмъ, что изъ состоянія обособленности, изъ чего то высшаго и недостижимаго для обыкновенныхъ смертныхъ власть становится общедоступною и превращается въ одинъ изъ видовъ общественной службы. Такъ точно, какъ во всѣхъ народныхъ (прошлыхъ и настоящихъ) и во всѣхъ истинно справедливыхъ судахъ участъ подсудимаго зависитъ не отъ рѣшенія высокоученаго и высокосоупнаго судьи, а отъ приговора присяжныхъ, простыхъ совѣстныхъ людей, такъ и судьбы государства не могутъ быть направляемы въ истинно народномъ духѣ, если ихъ держитъ въ рукѣ одинъ человѣкъ, неизмѣримо возвышающійся надъ всѣми остальными, т. е.

недостижимый для живыхъ впечатлѣній жизни, или если заправляютъ ими люди особые, не указанные народомъ за своихъ совѣстныхъ людей, толковыхъ и знающихъ, да къ тому же еще не обязанные отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ управляемыми.

Дикая теорія «негосударственности народа» и истеченія всякой власти отъ вѣнценоснаго главы государства, какъ источника «живой совѣсти» и носителя «высшей правды», въ соединеніи съ типичнымъ преклоненіемъ передъ догматами православія — ученіе несогласное не только съ духомъ славянства, но и христіанства. Отъ него вѣетъ теократіей, азіатствомъ, неподвижностію китаизма.

Приведенное въ началѣ этой статьи построеніе системы государственнаго управленія на простонародныхъ, по преимуществу земледѣльческихъ общинахъ, покрывающихъ собою всю государственную территорію, не имѣющихъ никакого политическаго значенія и связуемыхъ между собою лишь разсѣянными по всѣмъ мѣстамъ надзирателями отъ церкви и единоличной центральной власти, которые обязаны благодѣтельствовать народъ, — такое построеніе могло зародиться лишь въ воображеніи послѣдователя конфуціевой философіи и ученій китайскихъ социалистовъ-политиковъ. Ничего, кромѣ научно неразвитой, трудящейся въ потѣ лица массы — и благодѣтельнаго мандарина, отличающагося отъ управляемаго имъ только болѣею степенью образованія и цвѣтомъ пуговицъ!

Но не таковъ, къ счастью, идеаль равенства и братской любви, выращенный, взлелѣанный и пронесенный сквозь всѣ невзгоды тысячелѣтняго существованія славянскихъ племенъ, населяющихъ великую Восточно-Европейскую равнину.

Здѣсь весь народъ, въ полномъ составѣ своего разнообразія не стремится ни къ китайскому выдѣленію власти, какъ несмѣшиваемаго съ народною жизнью руководящаго элемента, ни къ китайскому обезличенію и уравниенію всѣхъ въ общемъ безправіи, ни къ китайскому подѣлу всего государства на устроенныя по одному шаблону общины, лишеныя всякаго политическаго значенія. Заклучая въ самомъ себѣ всѣ необходимыя элементы для областного самоуправленія, всякое племя европейской Россіи, и славянское и неславянское, желаетъ только невмѣшательства въ его общественную и тѣмъ паче въ частную жизнь агентовъ благодѣтельной центральной власти. Всѣ готовы приносить извѣстныя жертвы, посильныя, ра-

зумѣтся, на общегосударственное тягло, но всѣ, даже и безграмотные понимаютъ, что все безплодіе нашей нынѣшней юридической, экономической и нравственно-образовательной жизни проистекаетъ отъ чрезмѣрной централизаціи управленія и что ихъ собственное и всего государства спасеніе зависитъ именно отъ свободы мѣстнаго самоуправления, отъ полного признанія и обезпеченія правъ личности, отъ введенія дѣятельности центральной государственной власти и ея повсюдныхъ агентовъ въ рамки строгой законности, наконецъ, отъ установленія самимъ народомъ, посредствомъ имъ же выбранныхъ людей, новыхъ органическихъ законовъ, согласованныхъ съ дѣйствительными нуждами населенія и съ дѣйствительными — на пользу всего народа, безъ различія языка, вѣры, званія и состоянія основанными интересами государства.

Разсчитанное болѣе на невѣжество правительства, чѣмъ на невѣжество общества раздѣленіе, по духу и стремленіямъ, между образованными и необразованными слоями народа можетъ быть создаваемо только искусственными административными мѣрами, не допускающими крестьянское населеніе волости слиться въ одно цѣлое съ другими ея представителями, отличающимися болѣею имущественною состоятельностью, болѣею развитостію, болѣею степенью сознанія правъ гражданственности. Такими же искусственными или даже насильственными мѣрами можно обезлюдить и органы общественного самоуправления въ уѣздахъ и городахъ, что и дѣлали. Но развѣ политика разьединенія, такъ же какъ и политика насильственного объединенія (въ родѣ обрусенія, преслѣдованія неправославныхъ вѣроученій, несогласныхъ съ существующимъ государственнымъ и социальнымъ строемъ политическихъ и социальныхъ теорій), можетъ повести къ устройству и развѣ не въ ней кроется главная причина нашей нынѣшней смуты?

Раздѣленіе глубокое, несогласимое дѣйствительно существуетъ между русскими и нерусскими людьми нашего общества: оно выражается въ стремленіи однихъ къ угнетенію свободы, а другихъ къ зовоуванію свободы. Борцы же одного и другого лагеря набираются и въ грамотныхъ и неграмотныхъ слояхъ. Здѣсь не при чемъ происхождение, общественное положеніе, имущественная состоятельность и степень образованности. Для многихъ здѣсь просто играетъ роль вопросъ о существованіи, корысти, карьеры — и министры,

подобные Игнатьеву и Побѣдоносцеву, могутъ сходиться и дѣйствовать согласно, не смотря на то, что одинъ получилъ образованіе въ пажескомъ корпусѣ, а другой — докторъ правъ.

#### КОНЕЧНАЯ ЦѢЛЬ И ПОЛИТИКА ТРЕХИМПЕРСКАГО СОЮЗА.

Статью нашу\*) о разрывѣ петербургскаго правительства съ балканскими народами и о возвращеніи его на лоно трехимперскаго союза, мы заключили вопросомъ: Въ чемъ же состоитъ конечная цѣль этого союза и каковъ можетъ быть вѣроятный результатъ его?

Союзъ этотъ, имѣющій въ виду рѣшеніе внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ и социальныхъ вопросовъ, получилъ начало своего примѣненія на почвѣ самаго назрѣвшаго изъ международныхъ вопросовъ — вопроса Восточнаго, который и былъ введенъ возстановленнымъ союзомъ въ его настоящій острый фазисъ.

Политика трехимперскаго союза ясно обозначилась на Востокѣ въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, въ противодѣйствіи утвержденію англо-французскаго протектората надъ Египтомъ, съ другой, — къ установленію австро-русскаго протектората надъ балканскимъ полуостровомъ. Оба направленія, не смотря на ихъ кажущееся противорѣчіе, находятся въ тѣсной логической связи между собою и взаимно дополняютъ другъ друга.

Англія и Франція долгое время пользовались въ Турціи рѣшительнымъ вліяніемъ и употребляли его исключительно въ интересѣ торговой и промышленной эксплуатаціи страны; съ этою цѣлью, онѣ поддерживали власть Порты и доставляли ей средства для подавленія стремящихся къ свободѣ народовъ. Но, когда послѣдняя война доказала невозможность дальнѣйшаго задержанія процесса разложенія Оттоманской имперіи, то ея главные покровители первые подають примѣръ захвата отдѣльныхъ частей ея. Англія завладѣваетъ Кипромъ, присвоиваетъ себѣ (оставшійся, впрочемъ, номинальнымъ) протекторатъ надъ азіатской Турціей и начинаетъ распорядиться Египтомъ, допустивъ тамъ къ нѣкоторому участию и Францію, которая, кромѣ того, подчиняетъ себѣ и Тунисъ. Въ Европѣ, западныя державы не только поддерживаютъ завладѣніе Австріей двумя турецкими провинціями въ сѣверозападномъ углу имперіи, но и берутъ инициативу отнятія у Турціи двухъ южныхъ провинцій, которыми онѣ считаютъ нужнымъ усилить Грецію. Лишенный помощи своихъ старыхъ союзниковъ, сдѣлавшихся его злѣйшими врагами, Султанъ соглашается на всѣ требованія отъ него уступки и видитъ единственное обезпеченіе своихъ

европейскихъ владѣній въ соперничествѣ Австріи и Россіи. Сближеніе послѣднихъ между собою отнимаетъ у него и эту надежду и побуждаетъ прибѣгнуть къ единственной великой державѣ, которая не можетъ искать непосредственнаго увеличенія территории на счетъ Турціи, — Германіи. Чрезвычайное посольство, отправленное Султаномъ въ Берлинъ для поднесенія императору Вильгельму турецкаго ордена, даваемого до сихъ поръ однимъ мусульманамъ, имѣло главною цѣлью просить его совѣта и руководства.

Судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ того же источника, изъ котораго мы почерпнули и извѣстія о состоявшихся дипломатическихъ соглашеніяхъ, турецкое посольство получило авторитетное увѣреніе, что Портѣ не грозитъ въ настоящее время никакая опасность съ сѣвера, такъ какъ Австро-Венгрія и Россія заняты только установленіемъ прочнаго порядка въ Босніи и Болгаріи и сдерживаніемъ революціонныхъ стремленій, торжество которыхъ было бы опасно и для Турціи, — что соглашеніе между Россіей и Австро-Венгріей имѣло въ виду только разграниченіе ихъ охранительной и культурной дѣятельности на сѣверѣ полуострова и не могло быть поэтому направлено противъ власти Султана, — что, наконецъ, «Германское правительство видитъ великій европейскій и германскій интересъ въ поддержаніи и развитіи оттоманской имперіи, особенно въ направленіи, указанномъ ей природою и исторіею».

Дѣйствительно, когда Австрія и Франція стараются ослабить власть Султана надъ Египтомъ, обособить послѣдній отъ Турціи и тѣмъ вѣрнѣе утвердить надъ нимъ свое господство, три имперскіе двора, — къ которымъ присоединилась и недопущенная въ совмѣстному съ морскими державами протекторату въ Египтѣ Италія, — защищаютъ верховныя права Порты и тѣснѣйшую принадлежность Египта къ имперіи Османовъ. Такимъ образомъ объясняется спокойствіе, съ которымъ Порта всматривается на попытку Австріи подчинить военной повинности и привести къ присягѣ подданныхъ Султана въ Босніи и Герцеговинѣ, а также и энергія, высказываемая тою же Портою относительно гораздо болѣе мягкаго образа дѣйствій Англіи и Франціи въ Египтѣ. Извѣстно, какую могущественную поддержку нашло съ тѣхъ поръ себѣ турецкое правительство въ заявленіи, сдѣланномъ въ Константинополѣ, въ формѣ «идентичной» ноты, представителями трехъ имперій и слѣдующей за ними Италіи.

Эта сторона трехимперской политики, заключающаяся въ огражденіи Востока отъ захвата или расхищенія западными державами, заслуживала бы нашего полнаго сочувствія, еслибы три имперіи не стремились въ то же время сами къ захвату и эксплуатаціи, и именно той части Востока, которая наиболѣе спо-

\*) См. № 25 «Вольн. Сл.»

собна къ самостоятельному и культурному развитію.

Движеніе на балканскій полуостровъ составляетъ основную идею какъ австрійской, такъ и русской имперской политики, унаслѣдованной первою отъ венгерскихъ королей, второю же—отъ древнихъ кievскихъ князей и поднѣпровскаго казачества. И та и другая имперія всегда искали опоры въ народахъ полуострова и старались придавать своимъ войнамъ противъ Турціи освободительный характеръ. Сочувствіе и содѣйствіе балканскихъ народовъ были важнымъ факторомъ въ исходѣ этихъ войнъ, значеніе котораго еще не было достаточно выяснено и признано историками. Очевидно, однако, что быстрѣйшими и болѣе значительными успѣхами своими Россія обязана религиозному единству съ населеніями полуострова, которымъ она дѣйствительно приносила свободу вѣры, тогда какъ Австрія грозила еще болѣею опасностію для ихъ религіи, нежели та, которой они подвергались подъ турецкимъ владычествомъ. Съ началомъ XVIII в. Австрія, а съ началомъ XIX Россія достигаютъ естественныхъ границъ своихъ территорій на югѣ и юго-западѣ, (Австрія переступила ихъ въ Далмаціи и Боккѣ) и законность, въ государственномъ смыслѣ, ихъ движенія въ эту сторону прекращается. Поэтому, съ государственной точки зрѣнія, послѣдняя война Россіи противъ Турціи не можетъ быть оправдана, такъ какъ она не принесла ей, да и не могла принести, никакихъ прочныхъ выгодъ, сколько нибудь вознаграждающихъ русское государство за понесенныя имъ потери и жертвы. Война эта, съ одной стороны, была порождена смутнымъ, безсознательнымъ движеніемъ, глубоко охватившимъ общественные слои Россіи и не находившимъ себѣ другого исхода, — съ другой же, геніальною комбинаціею глубочайшаго изъ современныхъ политиковъ, избравшаго Россію для осуществленія первой части своего плана рѣшенія Восточнаго вопроса. Выполненіе второй части того же плана было поручено Австро-Венгріи, и хотя боснійская экспедиція не была въ своемъ началѣ сопряжена съ жертвами, подобными русской кампаніи въ двухъ частяхъ свѣта, но по общности внѣшнихъ и внутреннихъ условий, въ которыя это предпріятіе ставило габсбургскую монархію, она должна считаться еще болѣе бесполезною и опасною, нежели война, веденная Россіей. Нельзя не замѣтить при этомъ, что, тогда какъ самодержавный царь былъ противъ воли своей увлеченъ въ тяжелую и непроизводительную войну общественнымъ движеніемъ, въ первый разъ явившимся въ Россіи съ такою силою, — конституціонный императоръ-король сдѣлалъ еще болѣе рѣшительный шагъ, вопреки мнѣнію обонихъ своихъ парламентовъ и не смотря на ясно выраженную оппозицію всѣхъ своихъ народовъ. (Исключеніе составляли одни Хорваты, т. е.  $\frac{1}{38}$  населенія Австро-Венгрии).

Для балканскихъ народовъ послѣдняя война имѣла одинъ великій результатъ: она освободила ихъ настолько отъ Турціи, что сдѣлала ненужною всякую другую «освободительную» войну со стороны иностранной державы. Независимые и полувисимые балканскіе народы, числомъ болѣе 13 милліоновъ, могутъ уже сами освободить тѣ 2 милліона своихъ одноплеменниковъ, которые еще остались подъ игомъ Турціи. Во всякомъ новомъ движеніи Австріи или Россіи къ эгейскому морю или Босфору, онѣ скорѣе встрѣтятъ противодѣйствіе, нежели помощь народовъ полуострова.

Мы знаемъ, что противъ нашего мнѣнія о бесполезности для Россіи, какъ и для Австро-Венгріи, всякаго расширенія на балканскомъ полуостровѣ намъ возражать, что великимъ націямъ свойственно стремленіе поглощать мелкія, овладѣвать важными стратегическими пунктами, открывать рынки для сбыта своихъ произведеній и колонизировать мало заселенныя территоріи. Не отрицая значенія этихъ соображеній въ глазахъ политиковъ, мы отрицаемъ ихъ примѣнимость къ данному предмету. Россія и Австрія могутъ дѣлать на полуостровѣ завоеванія, но ни та, ни другая не въ состояніи упрочивать свои завоеванія или извлекать изъ нихъ пользу. О національной колонизаціи изъ Австріи не можетъ быть и рѣчи за неимѣніемъ австрійской національности, а также не возможна для нея и ассимиляція какихъ бы то ни было народовъ. Въ прежніе періоды ея исторіи, когда глава габсбургской монархіи былъ въ то же время и главою германской націи, австрійское правительство могло видѣть свою выгоду въ германизированіи Востока нѣмецкой колонизаціею и культурою; въ настоящее же время, когда ему приходится и въ самой Австріи бороться съ національными стремленіями нѣмецкаго элемента, всякое дальнѣйшее усиленіе послѣдняго только бы увеличило зависимость Австріи отъ Германіи и умножило опасность разложенія многоплеменнаго государства. Россія, напротивъ, имѣетъ господствующую политическую національность, способную колонизировать обширныя страны и ассимилировать до известной степени другіе народы; но если эта двоякая способность великорусскаго племени доказана историческимъ распространеніемъ его въ восточномъ\*) направленіи,

\*) По примѣру народовъ западной Европы, и Русскіе называютъ Переднюю Азію и даже балканскій полуостровъ «Востокомъ», хотя Малую Азію и пр. относительно европейской Россіи скорѣе можно назвать югомъ, къ Закавказью же Малая Азія примыкаетъ съ Запада; Балканскій полуостровъ относительно всей Россіи лежитъ на западѣ или югозападѣ и примѣненіе къ нему названія «Востокъ» можетъ быть оправдано только въ смыслѣ исторически установившагося термина, независимо отъ положенія его относительно другихъ странъ. (Потому и слѣдуетъ писать Востокъ, а не востокъ). Мы должны были настоять на этомъ различіи, чтобы читателямъ не было странно наше утвержденіе, что русская народность, постоянно двигающаяся въ восточномъ направленіи, т. е. въ

то такъ же исторически доказана и неспособность этого племени къ колонизаціи или ассимиляціи кого либо по направленію къ Западу.

Если же бы Австрія или Россія захотѣли ограничиться экономической эксплоатаціей выпадающихъ имъ на долю балканскихъ земель, то ни та, ни другая не нашли бы для этого другаго способнаго элемента, кромѣ нѣмецкаго или, еще вѣрѣе, нѣмецко-еврейскаго. На рѣшимость вѣнскаго двора занять Боснію и Герцеговину не малую долю вліянія имѣли нѣмецко-еврейскіе дѣльцы и спекулянты, надѣявшіеся найти въ этихъ провинціяхъ золотое дно; правда, они обманулись въ своихъ преувеличенныхъ надеждахъ, но, слѣдуя шагъ за шагомъ за австрійскими солдатами сборщиками податей и скупая за безцѣнокъ отбираемое у босно-герцеговинцевъ ихъ драгоценное оружіе и утлую движимость, конфискуемую за недоимки, культуртрегеры христіанскаго и мойсеева закона успѣли въ три года основательнѣе раззорить страну и довести жителей до большаго отчаянія, чѣмъ это удалось варварамъ туркамъ въ ихъ четырехсотъ-лѣтнее господство. Тоже самое, въ другой формѣ, готовится и Сербіи. Конечно, русскіе освободители и просвѣтителі не могутъ похвалиться такимъ успѣхомъ. Какъ ни досадны болгарамъ тройные оклады русскихъ офицеровъ, ихъ привычки къ произволу и личной расправѣ, благосостояніе страны отъ этого, хотя и страдаетъ, но все таки не подрывается въ своемъ корнѣ. Но и въ Болгарію, вслѣдъ за русскими, проникаютъ нѣмцы и евреи и захватываютъ одну за другою различныя отрасли промышленности и торговли, такъ же, какъ и цѣлыя правительственныя вѣдомства (напр. санитарное); и въ Болгаріи желѣзно-дорожный вопросъ сдѣлалъ политическимъ: «русскій» Ремлингенъ видѣть «русское дѣло» въ доставленіи концессіи «русскому» Гинцбургу, такъ же какъ въ Сербіи русскій агентъ, Персіани, хлопоталъ о полученіи концессіи русскимъ Поляковымъ\*).

Такимъ образомъ, всѣ выгоды, которыя Австрія или Россія могутъ извлечь изъ своего утвержденія на балканскомъ полуостровѣ сводятся на занятіе нѣсколькихъ стратегическихъ позицій, если только можетъ быть названа выгодною обязанность защищать отдаленные пункты и быть вовлекаему въ дальнѣйшія и опаснѣйшія предпріятія.

Въ слѣдующей статьѣ мы рассмотримъ невыгоды, протекающія для Россіи и Австріи изъ ихъ балканской поли-

Заволжье, въ сѣверную и въ среднюю Азію, неспособна къ распространенію на Востокъ, т. е. въ Малую Азію или на балканскій полуостровъ, что было бы движеніемъ на западъ или юго-западъ.

\*) Въ виду поддержки такого «русскаго дѣла» въ Болгаріи не только петербургскимъ правительствомъ, но и частью петербургской и московской печати, мы намѣрены въ ближайшемъ времени особенно заняться вопросомъ о болгарскихъ желѣзныхъ дорогахъ, о которомъ намъ уже писали наши корреспонденты съ мѣста.

тиги, и перейдемъ къ цѣлямъ третьяго и главнаго члена трехимперскаго союза, двигающаго ту и другую на Востокъ.

Въ преемники барону Николаи по мѣсту министра народнаго просвѣщенія прочтѣть статс-секретаря Делянова. Мы имѣемъ основаніе думать, что маленькій армянинъ взбирается на министерскій постъ по дорогѣ, проложенной директоромъ ликея цесаревича Николая, и, слѣдовательно, будетъ лишь подручнымъ человѣкомъ всецѣльнаго по части народнаго омраченія Михаила Никифоровича. Не даромъ же отложенъ въ долгій ящикъ пересмотръ устава реальныхъ училищъ!

Г. Иванъ Аксаковъ, въ виду предстоящей ревизіи сенаторомъ Манасеинымъ губерній Курляндской и Лифляндской и подъ предлогомъ защиты національных правъ Чуди и Латышей, начинаетъ закидывать въ прибалтійскій край удочку обрусенія. Въ № 5 «Руси» читаемъ: «Сорокъ тысячъ русскихъ, проживающихъ въ Ригѣ, почти лишены защиты предъ судами потому только, что не знаютъ языка нѣмецкаго, языка численно ничтожнаго мѣстнаго меньшинства, а знаютъ лишь языкъ государственный». Здѣсь все неправда: во первыхъ, многіе изъ русскихъ, проживающихъ въ Ригѣ, знаютъ нѣмецкій языкъ; во вторыхъ, русское населеніе относится въ Ригѣ къ нѣмецкому, какъ 26:44, слѣдовательно нѣмцы въ этомъ городѣ не «численно ничтожное меньшинство», а значительное большинство, и при томъ наиболѣе культурное\*); въ третьихъ, населеніе латышское въ Ригѣ почти равняется русскому\*\*) и, слѣдовательно, для официальныхъ сношеній въ этомъ городѣ, по справедливости, должны быть допущены всѣ три языка: нѣмецкій, русскій и латышскій, а не конимъ образомъ не одинъ нашъ государственный, т. е. великорусскій языкъ, на которомъ говоритъ менѣе четвертой части (40,000) всего населенія Риги (164,685 душъ по переписи нынѣшняго года).

#### Прекращеніе „Поряда“ и опасенія „Недѣли“.

26 № «Голоса» принесли намъ извѣстіе о томъ, что редакция «Поряда» рѣшилась не издавать болѣе въ 1882 г. своей газеты. И такъ, даже эта, столь сдержанная газета, которая только старалась не выходить изъ предѣловъ порядочности и минимума критическаго отношенія къ тому, что дѣлается въ Россіи, — оказалась не въ состояніи продолжать свою службу обществу при теперешнемъ правительствѣ, руководимомъ пророками «жизни духа — духа жизни». А еще находятся новые глашатаи «народной политики», которые опасаются въ Россіи «насилія» со стороны «либерализма». (Недѣля, 1882, № 4) О, простота! простота!

П. Л. Лавровъ 13 февраля уѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ, адресовавъ передъ

\*) См. Nouv. Géogr. Univ. par Elisée Reclus, V, l'Europe scandinave et russe, стр. 382.

\*\*) Тамъ же.

выѣздомъ письмо къ деп. Клемансо, напечатанное въ Justice. Въ письмѣ этомъ между прочимъ выражается надежда, что самое изгнаніе отбѣзжающаго изъ Франціи послужитъ къ усиленію подлинки въ пользу жертвъ политическихъ преслѣдованій въ Россіи. При соединяясь къ голосамъ, съ сожалѣніемъ проводившимъ Петра Л. Лаврова на новое мѣсто изгнанія, мы въ слѣдующемъ номерѣ помѣстимъ статью объ общихъ сторонахъ этого печальнаго случая. Теперь же скажемъ два слова по адресу «Голоса». Эта либеральная газета сочла долгомъ забѣжать въ лакейскую петербургскаго кабинета и выразила порицаніе французскому министру за принятое имъ намѣреніе измѣнить законъ о высылкѣ иностранцевъ такъ, чтобы эта мѣра зависла впредь отъ суда, а не отъ одного только административнаго произвола. Какую же цѣль имѣютъ послѣ этого заботы «Голоса» о «правовомъ порядкѣ» въ Россіи?!

#### ДІОНИЗІЙ III САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ И ПЛАТОНЪ II МОСКОВСКИЙ.

Сравнительно-историческая игра природы.

Такъ какъ значительная часть нашихъ читателей должна была получить воспитаніе во время усипенныхъ заботъ о классическомъ образованіи, но не столько для него самого, сколько для убіенія въ ихъ отечествѣ духа оппозиціи, пущеннаго въ европейское челоуѣчество классическимъ титаномъ Прометеемъ, — то мы врядъ-ли ошибемся, если сдѣлаемъ обидное, при другихъ условіяхъ, предположеніе, что они, читатели, не очень далеко ушли въ исторіи одного изъ важнѣйшихъ городовъ классической древности, — Сиракузы. Между тѣмъ знать исторію Сиракузъ слѣдовало бы вообще, а россиянамъ въ особенности, въ виду многихъ сходствъ между этимъ городомъ и столицей русскаго государства.

Конечно, въ Сиракузахъ лимоны зрѣютъ, а въ Петербургѣ они только поѣдаются, но лимоны дѣло неважное, особенно для людей трезвыхъ. За то Сиракузы — портъ, и С.-Петербургъ, если не совсѣмъ и ортъ, такъ окно, (ужъ стеклянное ли, или соломенное, это другой вопросъ); Сиракузы — были колоніей грековъ среди варваровъ, Петербургъ — колонія русскихъ среди чухновъ и колонія нѣмцевъ, а еще болѣе нѣмокъ, среди русскихъ (какія изъ этихъ трехъ или даже четырехъ націй эллины, а какія варвары, мы рѣшать не беремся); напротивъ Петербурга лежатъ крѣпость на острову — Кронштадтъ, напротивъ Сиракузъ лежала такая жъ крѣпость — Оргигия; Сиракузы кипѣли полчищами наемниковъ, Петербургъ кипѣетъ полками гвардейцевъ и дружинами всякой охраны; Сиракузы лежали на вулканической почвѣ между двухъ вулкановъ, — Петербургъ лежитъ на динамитѣ и живетъ отъ одного взрыва до другого. Главное же, и Сиракузы, и Петербургъ будятъ на вѣки славны въ исторіи тѣмъ, что порождаетъ и крѣпости, и наемниковъ, и гвардейцевъ, и охраны, и динамиты, — а именнo тиранами или самодержцами.

Даже отличія между Петербургомъ и Сиракузами, при нѣкоторомъ ученomъ анализѣ, оказываются не такъ то уже большими, какъ съ перваго раза могутъ подумать профаны.

Такъ, напр., недавно одинъ московскій ученый доказалъ, что столь излюбленный русскими властями Макаръ, который куда то телятъ гоняетъ, (и отчего это статуя сего бога не поставитъ, вмѣсто орла, на зеркалахъ, замѣнивъ на нихъ странные указы Петра Великаго троекратнымъ фюйпть?) есть ни что иное, какъ эллино-финикійскій Геркулесъ-Мелькартъ-Макаръ, (онъ же и московскій Таракашка) гоняющій быковъ солнца. А такъ какъ ученые давно уже добрались, что быки эллискаго солнца помѣщались пгдѣ, какъ въ Спидлин, то между Сиракузами и Петербургомъ оказывается разница въ томъ, что эллисскій Макаръ гонялъ своихъ быковъ по солонѣ, на Западъ, т. е. въ Сиракузы, тогда какъ русскіе Макары, всегда петербургскому Обер-Макару подчиненные, гоняютъ своихъ телятъ (т. е. насъ грѣшныхъ, не дошедшихъ даже до чина быковъ,) противъ солнца, на Востокъ. Разница, конечно, существенная — и для телятъ, взявъ во вниманіе географическія условія, весьма чувствительная. Но все таки, согласитесь, что эта локализация въ Сидлин общечеловѣческаго бога, культъ котораго принялъ столь самобытную форму въ государствѣ, коего столицей служитъ Петербургъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто провиденціальное.

Провидѣнію угодно было, въ его деспотической игрѣ съ смертными, простереть аналогію между Петербургомъ и Сиракузами до того, что теперь на нашихъ глазахъ въ Невской Пальмпрѣ совершается повтореніе сиракузской исторіи тирана Діонизія II съ философомъ Платономъ, — при чемъ роль Діонизія Діонизіевича II, какъ читатель уже, конечно, догадался, играетъ Александръ Александровичъ III, роль же философа Платона Аристовича изъ Аенія исполняетъ нѣкто другой, какъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ изъ Москвы, само собою разумѣется, при различіяхъ, опредѣляемыхъ заранѣе разницею «климата, пищи и общаго вида природы» — московской и аенійской.

Это, съ перваго раза удивительное, но, при указанныхъ аналогіяхъ между Сиракузами и Петербургомъ, довольно естественное, явленіе было нами предсказано еще три съ половиною года назадъ въ Громадѣ, т. II, 1878 г. на стр. 441—443 (говорите послѣ этого, что политика не то, что астрономія съ ея предсказаніями!) А потому мы нѣкоторымъ образомъ обязаны подѣлиться съ публикою и нашими дальнѣйшими наблюденіями надъ петербургскимъ тираномъ и московскимъ любомудромъ, хотя, признаемся, всѣ эти петербургско-московскіе тираны и любомудры такъ намъ надоѣли, что мы бы, богъ знаетъ, что дали, если бѣ можно было забыть ихъ хоть на годикъ — другой.

Начнемъ же по порядку и, какъ прилично, въ серьезномъ сравнительно-историческомъ этюдѣ, съ указанія источниковъ. — Источники эти, впрочемъ, немногочисленны, хотя самаго лучшаго качества: для части сиракузской — писма самого Платона и Биографіи Плутарха, а для части петербургской — газета «Русь» самого И. С. Аксакова.

Изъ классическихъ источниковъ, читатель, вы можете узнать слѣдующее: Между 405 и 368 годомъ до Р. Хр. правилъ въ Сиракузахъ тиранъ Діонизій I Старшій. Такъ какъ онъ былъ тиранъ не по наслѣдству, то, конечно, превосходилъ во многомъ издавна помазываемыхъ муромъ и содержимыхъ въ дворцовомъ певѣдѣиіи самодержцевъ династій Голштейнъ-Готторнской. Между прочимъ, и литература и наука все такъ уважались при дворѣ его гораздо болѣе, чѣмъ въ петербургскомъ главномъ правленіи по дѣламъ печати и министерствъ народного просвѣщенія. А потому, когда Сиракузы посѣтилъ аѳинскій академикъ (не ординарный) Платонъ, то встрѣтилъ даже въ близкихъ къ тирану кругахъ приемъ гораздо болѣе радушный, чѣмъ сама Сарра Бернаръ въ первое свое представление въ Петербургѣ, и даже былъ представленъ самому тирану, — чего не добились даже М-те Adam. Впрочемъ, старый тиранъ не остался доволенъ разговорами Платона и даже, говорятъ, устроилъ ему на обратномъ пути въ Аѳины пѣкую каверзу. Но и Платонъ остался недоволенъ Сиракузами: недоволенъ и тиранією (все такъ аѳинянинъ!) и ея beau monde'омъ, особенно его роскошными обѣдами у тамошнихъ Борелей. Платонъ находилъ, что послѣ такихъ обѣдовъ, люди ни къ чему путному не могутъ быть способны. Недовольство свое Платонъ выразилъ и кой кому изъ сиракузянъ, между прочимъ, особенно богатому родственнику старого тирана, Діону, о которомъ послѣ. Сынъ и наслѣдникъ тирана, Діонизій Діонизіевичъ, какъ всякій наслѣдникъ, тоже недоволенъ былъ ходомъ дѣлъ, которымъ не онъ управляетъ, а потому и онъ отнесся сочувственно къ платоновой критикѣ, переданной ему вскользь Діономъ. И стали они понемногу либеральничать на платоновскія темы — объ оздоровленіи корней. Тутъ же старый тиранъ умираетъ и Діонизій II вступаетъ на престолъ, уже, можно сказать, родительскій, и получаетъ возможность осуществить свой наслѣдническій либерализмъ, идеи объ оздоровленіи корней и прочее въ такомъ родѣ. Черезъ Діона онъ передаетъ Платону приглашеніе пріѣхать въ Сиракузы въ качествѣ самаго свѣдущаго на счетъ оздоровленія корней человѣка. Платонъ принимаетъ приглашеніе, льстя себя мыслию показать міру — и эллинамъ, и варварамъ (г. Аксаковъ о варварахъ бы думать не сталъ), — что значитъ союзъ власти и философіи.

Но, — о боги! — какъ же въ лицѣ Платона опозорилась философія и передъ эллинами, и передъ варварами! А опозорилась она, главнымъ образомъ, потому, что вмѣсто того, чтобы, какъ прилично философіи, дѣйствовать независимо, среди свободныхъ людей, вздумала дѣйствовать именно въ союзѣ съ властію.

Молодой самодержецъ сгорая хотѣлъ было отказаться отъ своей власти и возстановить въ Сиракузахъ демократическую республику, — но его отговорили отъ исполненія этого плана именно философы: Діонъ съ Платономъ. По крайней мѣрѣ, самъ Діонизій рассказывалъ объ этомъ потомъ совершенно опредѣленно. Платонъ же, хотя и опровергалъ это показаніе, но не вполне, а косвенно подтверждалъ его своими рассказами объ отношені-

яхъ къ тирану, своимъ и своего пріятеля, Діона. Довольно вѣроятно, что самодержецъ нѣсколько привиралъ, особенно тогда, когда Діонъ поднялъ противъ него революцію, такъ какъ совѣтъ, начисто отказаться отъ власти — самодержцы добровольно никогда не отказываются. Но несомѣнно, что въ началѣ Діонизій Діонизіевичъ обнаруживалъ довольно либеральные порывы. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ прібытія почтеннаго гостя изъ аѳинской республики, Діонизій на одномъ торжественномъ собраніи произвелъ чистый скандалъ: когда герольдъ провозгласилъ обычную фразу: «да будетъ долго ненарушима власть самодержца»! — Діонизій закричалъ: «остановись! не призывай на насъ такого проклятія!» Очевидно, что, возмись Діонъ съ Платономъ за дѣло съ толкомъ, то кой какую конституційку получить съ Діонизія было бы возможно, — а тамъ, при помощи философіи, обращенной уже не къ одному двору, а ко всей публикѣ, можно бы было и до чего нибудь болѣе существеннаго доработаться. Но философы, Платонъ съ Діономъ, вмѣсто того, чтобы ковать желѣзо, пока оно горячо, стали «мудрить съ жизнью», какъ выражается И. С. Аксаковъ (и очень хорошо выражается!) Они задумались: какой будетъ прокъ отъ республики въ Сиракузахъ? Видите ли, Платонъ, наблюдая жизнь въ своемъ городѣ и около, пришелъ къ заключенію, что всѣ политическія формы настоящаго времени — тиранія, олигархія и демократія, въ дѣйствительности плохи и что «одна философія можетъ указать границу между правдою и неправдою, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для правителей».

Идея это, коли хотите, вѣрная въ томъ смыслѣ, что для разумаго устройства общественныхъ дѣлъ, особенно болѣе сложныхъ, каковыми они уже стали въ эпоху Платона даже въ городскихъ государствахъ, нужно пониманіе ихъ и умѣніе соглашать общіе и частные интересы, для чего прежде всего нужно весьма сложное воспитаніе и лицъ, и общества. Но дѣло въ томъ, что дойти до такого воспитанія люди могутъ только собственнымъ опытомъ, т. е. не иначе, какъ посредствомъ свободы. Платонъ же, сравнивая свой идеалъ человѣка съ дѣйствительными экземплярами двуногихъ животныхъ безъ перьевъ, представлялъ себѣ послѣднихъ такими уже ничтожествами, такими дѣтьми, что дать имъ свободу считалъ опаснымъ для ихъ же собственной пользы, покуда они не будутъ научены различать точную «границу между правдою и неправдою». Подобно Платону думаютъ многіе философы (напр., теперь почти всѣ люди науки во Франціи) и оттого они или стоятъ за всякую власть, хотя бы и столь далекаго отъ добродѣтели Наполеона III, или же лѣзутъ сами во власть, или же, — и это самое благоразумное, — пессимистически махаютъ рукою на всякую политику, а занимаются каждый исключительно своею специальностію. Что до Платона лично, то, къ сожалѣнію, въ его время еще науки не были специализированы, и въ кругъ его философіи входила столько же политика, сколько и геометрія, — а потому ему оставалось или добиваться власти, или къ ней прилаживаться. Какъ человѣкъ добродѣтель-

ный, онъ думалъ не о себѣ, а о человечествѣ \*) — и, считая людей за испорченныхъ или за дѣтей, онъ пришелъ къ заключенію, что конецъ «бѣдствіямъ человечества паступить только тогда, когда во главѣ правительства станутъ истинные философы, или же когда, божественнымъ промысломъ, властелины государствъ станутъ сами философами».

Послѣднее, пожалуй, было бы и недурно, еслибъ можно было какъ нибудь подбѣе божественный промыселъ къ откомандированію съ неба на землю нѣкотораго количества ангеловъ-философовъ въ властелины государствъ, а при теперешнихъ большихъ государствахъ, такъ и въ губернаторы и даже, пожалуй, въ становые пристава и урядники. Только что жъ вы сдѣлаете съ Зевсомъ, о которомъ еще кой кто изъ древнихъ философовъ, подогадливѣе, замѣтилъ, что онъ или вовсе не заботится о смертныхъ, или даже такъ глупъ, что чаще всего бьетъ молніей свой же собственныи храмъ на Суніонѣ? Очевидно, что смертнымъ надо устроиваться какъ нибудь «домашними способами». И смертнымъ философамъ приходится чаще всего выбирать между существующею «неразумною толпою» и существующими властелинами, — и позоръ, и горе тому философу, который предпочтетъ имѣть дѣло съ послѣдними, вмѣсто того, чтобы возгнѣться съ толпою, при всемъ ея неразуміи! Платонъ — предпочелъ властелина, и такъ какъ онъ предпочелъ его съ добрыми намѣреніями, а не для корысти, то тѣмъ паче оprostоволился.

Какъ сказано было, Платонъ съ Діономъ ничего добраго не ожидали отъ испорченныхъ сиракузянъ; философы опасались, что сиракузяне не станутъ ихъ слушаться, если они начнутъ говорить къ нимъ, какъ простые смертные, а не какъ власть имѣющіе. Въ добавокъ, и тутъ примѣшались своего рода страхъ сепаратизма и своего рода обрусеніе и борьба съ интригою: опасеніе, какъ бы не распалось созданное Діонизіемъ I, хотя и кровавымъ путемъ, но большое государство изъ городовъ греческихъ и варварскихъ въ Сициліи и южной Италіи, и какъ бы варвары итальянскіе и карфагенскіе не взяли верхъ надъ греками, пока тѣ будутъ заняты устройствомъ своего самоуправленія: ибо вѣдь, если дать самоуправленіе Сиракузамъ, то пришлось бы дать его и подчиненнымъ городамъ. По всѣмъ этимъ и подобнымъ соображеніямъ, философы, Платонъ съ Діономъ, рѣшились охладить порывы конфузидгоса своего самодержавія тирана и, вмѣсто политическаго идеала самоуправляющейся и саморазвивающейся демократіи, поставили передъ нимъ педагогическій идеалъ отца и дѣтей да добродѣтельнаго, умнаго и твердаго персидскаго царя Дарія, который выбралъ себѣ семь такихъ же добродѣтельныхъ, умныхъ и твердыхъ друзей и поставилъ ихъ правителями надъ семью областями своего обширнаго государства, каковое онъ такъ укрѣпилъ, что оно стоитъ твердо и до сего дня. (Платонъ писалъ это

\*) Хотя, впрочемъ, писъмецо его къ Діонизію II на счетъ пособія на приданое племянницѣ бросать, на аѳинскаго философа столь же маленькую тѣнь, какъ и банковая служба на московскаго.

всего за тридцать лѣтъ до знаменитаго краха персидской монархіи, произведеннаго вторженіемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ арміи Александра Македонскаго.) Платонъ съ Діономъ посовѣтовали и Діонизію прежде всего позаботиться о томъ, чтобъ приобрести повсюду, въ подчиненныхъ ему городахъ, друзей, подобныхъ Даріевымъ, а для этого начать съ того, чтобъ самому приготовить себя до способности выбрать такихъ друзей. «Мы съ Діономъ, писалъ философъ, совѣтовали Діонизію, что, такъ какъ отецъ его не далъ ему хорошаго воспитанія и приличнаго общества, — то ему слѣдовало прежде всего создать себѣ между родными и сверстниками друзей, которые бы помогали ему въ практикѣ добродѣтели; мы совѣтовали ему особенно стараться быть вѣрнымъ себѣ и постояннымъ, такъ какъ ему особенно не доставало этихъ качествъ. Впрочемъ, мы ему не давали уроковъ прямо; это было бы опасно! (такъ и философы хитрятъ при дворѣ! конечно, для блага человѣчества, — а вовсе не изъ зараженія придворнымъ духомъ и изъ внутренняго холопства!) но косвенно мы ему давали поить это, говоря ему, что всякій челоѣкъ, который хочетъ спасти себя и тѣхъ, къ которымъ онъ управляетъ, долженъ слѣдовать этимъ правиламъ. Держась такимъ образомъ, говорили мы ему, учась быть мудрымъ и добродѣтельнымъ, возстановивъ затѣмъ разоренные греческіе города въ Сициліи, давши имъ законы и политическія учрежденія, которые сдѣлаютъ ихъ въ одно и тоже время и болѣе подчиненными его правленію, и лучше соединенными между собою въ борьбѣ противъ варваровъ, — онъ не только удвоитъ, но увеличитъ въ безконечное число разъ могущество, которое оставилъ ему отецъ, и подчинитъ себѣ карфагенянъ скорѣе, чѣмъ Гелонъ» и т. д. Впрочемъ, въ отдаленной перспективѣ, Платонъ съ Діономъ имѣли въ виду, по крайней мѣрѣ для Сиракузъ (т. е. для «коренныхъ губерній»), если не для подчиненныхъ имъ городовъ («окраинъ»), вовсе не одну только личную тиранію (они все же понимали, что такая тиранія неблагонадѣжна по части постоянства добродѣтели), а тоже въ своемъ родѣ «увѣнчаніе зданія», или «пллюзію», иначе конституцію, — «законное правленіе», какъ говорилъ Платонъ, или «правовой порядокъ», какъ говорятъ русскія газеты, — только уже, конечно, не простую демократическую свободу, (это было бы слишкомъ просто для педагоговъ и тоже не совсѣмъ благонадѣжно насчетъ непрерывнаго господства добродѣтели), — а нѣчто очень хитрое и сложное, — нѣчто подобное лакедемонскому устройству, столь любезному всѣмъ педагогамъ, только еще сложнее: нѣсколько карей, сенатъ, потомъ еще одна корпорація — составителей законовъ (что-то въ родѣ свѣдущихъ людей), которые отъ себя выберутъ еще одну корпорацію — хранителей законовъ (что то въ родѣ государственнаго совѣта изъ однихъ тайн. сов. Галагановъ). Однимъ словомъ, «увѣнчаніе зданія» Платона и Діона было дѣйствительно «пллюзія»: — невозможная мѣшанина учреждений, одно съ другимъ несомѣстимыхъ и способныхъ функционировать только при необыкновенной добродѣтели всѣхъ ихъ членовъ. А

пока философы найдутъ возможнымъ увѣнчать зданіе, должна была, конечно, оставаться тиранія, т. е. самодержавіе готоваго тирана, только всѣ усилія философовъ должны были направиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ этого тирана олицетвореніе добродѣтели или философіи. Такимъ образомъ, по словамъ самого Платона, онъ съ Діономъ надѣялись «обратить Діонизію къ добродѣтели, исправить нравы отечества и дать ему истинное счастье, безъ убійствъ, безъ кровопролитія, безъ всѣхъ бѣдствій гражданской войны».

Разумѣется, для такой педагогической задачи, нужно было прежде всего сдѣлать школьникомъ самого будущаго народнаго педагога, тирана. Что школьника-тирана посадили на строгую діету, это само собою разумѣется, равно какъ и то, что сокращеніе расходовъ стало главною заботой сиракузскаго министерства двора и другихъ министерствъ. Правда, при сиракузскомъ дворѣ апельсинъ не считали, по только потому, что апельсины тогда еще не были вовсе извѣстны не только въ Петербургѣ, но и въ Сициліи. Штановъ у солдатъ сиракузскихъ тоже не укоротили, по только потому, что классическіе солдаты обходились совсѣмъ безъ штановъ. Но на крючкахъ достигнута была большая экономія. Объ экономіи хлопоталъ самъ тиранъ, а философы занялись главнымъ образомъ устройствомъ для него школьнаго образованія. Такъ какъ греки отъ природы говорили по гречески, то засадить самодержца за греческіе аористы не могло прійти въ голову даже тогдашнимъ Катковымъ и Леонтьевымъ; латинскій же языкъ былъ тогда варварскимъ и могъ входить развѣ въ тогдашнее реальное образованіе (на немъ говорили въ казармахъ), а не классическое, а потому воспитаніе тирана въ добродѣтели пришлось начать — математикой. Діонизія засадили за геометрію! Сгорая, онъ принялся очень усердно.

Разумѣется, что за геометрію же взялся и весь дворъ. Плутархъ рассказываетъ, что, едва только Платонъ показался въ Сиракузахъ, весь дворъ тирана наполнился пескомъ: придворные чертили на немъ геометрическія фигуры. Послѣ сиракузскій самодержецъ не могъ безъ ярости вспоминать этихъ уроковъ геометріи и вообще своего обращенія въ школьника. Уже поссорившись съ Діономъ и начавъ ссориться съ Платономъ, Діонизій спросилъ развѣ аѳинскаго философа, нарочно въ присутствіи постороннихъ: помнить ли онъ, какъ онъ совѣтовалъ ему, Діонизію, возстановить греческіе города? — и когда Платонъ замѣтилъ, что онъ совѣтовалъ еще и другое (это былъ намекъ на совѣты приготовить къ этому возстановленію посредствомъ добродѣтели), Діонизій съ злымъ громкимъ смѣхомъ закричалъ: «о, да! ты приказывалъ еще: не заботься объ этомъ; тебѣ еще нужно учиться!» — а когда Платонъ отвѣтилъ: «у тебя хорошая память,» — тогда взбунтовавшійся школьникъ-самодержецъ замѣтилъ со злобію: «какъ у настоящаго ученика геометріи, — не правда-ли?»

Ну, можно ли было долго занять самодержца геометріей и удержать въ предѣлахъ сухояденія и сокращенія расходовъ? Конечно, что, по прошествіи извѣстнаго времени,

тиранъ взбунтовался: сначала, подъ благовиднымъ предлогомъ, изгналъ Діона, Платона же держалъ болѣе подъ арестомъ, чѣмъ въ почетномъ приближеніи, — и зажилъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ слѣдуетъ самодержцу. Геометрію замѣнили пиры со всѣмъ подобающимъ, — такъ что Плутархъ говоритъ, что, глядя на быстрое превращеніе сиракузскихъ придворныхъ изъ математиковъ въ кутилъ, можно было думать, что тутъ не обошлось безъ нечистой силы, Цирцеи.

Остальное болѣе или менѣе извѣстно: Платонъ насилу выбрался по добру изъ Сиракузъ; Діонъ такъ долженъ былъ подняться противъ тирана революцію и, когда, одолевши Діонизія, самъ не посчиталъ возстановить республику, — все въ видахъ педагогическихъ, — то самъ былъ убитъ, какъ претендентъ на тиранію. Діонизій воротился въ Сиракузы, но былъ окончательно выгнанъ дѣйствительнымъ республиканцемъ Тимолеономъ. Этотъ, столько же добродѣтельный, сколько и здравомыслящій челоѣкъ не задавался педагогическими цѣлями, — а попросту, одолевъ Діонизія, разорилъ его Бастиллю, кр. Орпигію, — и возстановилъ въ Сиракузахъ демократію. И что жъ вы думаете? Ни Сиракузы, ни сиракузское обрусеніе, ни самъ Тимолеонъ, ни, наконецъ, сама добродѣтель отъ этого не только не потеряли, но, напротивъ, всѣ выиграли: опустошенные Сиракузы заселились новыми колонистами, равно какъ и другіе греческіе города Сициліи, избавленные отъ деспотовъ, при чемъ (замѣтьте, народники!) довольно не дурно были устроены и аграрныя отношенія, — карфагенская интрига была поражена, Тимолеонъ дожилъ въ Сиракузахъ до глубокой старости, являясь на народныя собранія, какъ частный челоѣкъ, изъ домика, построеннаго ему обществомъ, говорилъ, что ему казалось нужнымъ, выслушивать возраженія и даже пристрастные нападенія, отвѣчая на послѣднія благодарностью богамъ за то, что они дали ему увидѣть исполненіе его желанія, что бы каждый сиракузянинъ имѣлъ свободу говорить все, что захочетъ, — и «неразумная и буйная толпа» соглашалась съ мудрымъ и добродѣтельнымъ челоѣкомъ, который не лѣзь въ педагогическое начальство, а былъ настоящимъ философомъ и учителемъ на столько, на сколько онъ естественно превосходилъ другихъ умомъ, опытомъ и характеромъ. Съ такимъ же почтеніемъ, какъ Сиракузы, слушали слова Тимолеона и всѣ сицилійскіе греки \*).

Надо, впрочемъ, признаться, что и Діонизій II нашелся тоже довольно недурно: потерявъ сиракузскій престолъ, онъ открылъ въ Коринѣ школу для дѣтей и, кромѣ того, обучалъ нѣкую улчичныхъ пѣвцовъ. Въ этомъ все такъ видно новое доказательство превосходства недишастическихъ самодержцевъ сиракузскихъ надъ петербургскими помазанниками и нѣкоторая польза пнеагорейской дрессировки, которой Платонъ подвергалъ молодаго тирана. Александръ III врядъ ли

\*) Мы бы очень совѣтовали ученикамъ классическихъ гимназій читать біографіи этого почтеннаго челоѣка у Плутарха и Корнелія Непота, только боимся, что бы имъ не досталось за это вполне классическое занятіе отъ начальства.

сумѣть такъ устроиться, если ему придется наскочить на своего Тимлеона. Но въ этомъ надо будетъ обвинить столько же привычки его династїи, сколько и ту совершенно безплодную школу, которую проходить теперь тиранъ петербургскій подъ руководствомъ философа московскаго.

Мы, впрочемъ, предостерегаемъ и петербургскаго ученика, и московскаго учителя еще очень заблаговременно. Вы помните, конечно, читатель, время передъ началомъ послѣдней русско-турецкой войны, — когда И. С. Аксаковъ вылезъ изъ своего банковскаго удаленія и вновь заставилъ о себѣ говорить своими рѣчами въ славянскомъ комитетѣ. Г. Аксаковъ былъ тогда исполненъ самаго искренняго желанія освободить братьевъ славянъ и усматривалъ препятствіе къ этому освобожденію въ противунаціональной дипломатїи, которую и громилъ, на сколько у него хватало умѣнья говорить съ оглядкою на цензуру. Извѣстно, что даже въ болѣе свободныхъ монархическихъ государствахъ дипломатїи подчиняется сильному вліянію монарха. Въ Россіи же, да еще при Александрѣ II, который почиталъ себя специально-призваннымъ разрабатывать международное право, дипломатїя всецѣло исходила отъ царя. Въ добовокъ, ни для кого не были тайною берлинскія симпатїи покойнаго императора, равно какъ и то, что берлинскимъ политикамъ столько же нежелательна прочная автономія балканскихъ племенъ, которая бы предохранила ихъ отъ господства Австро-Венгріи, сколько и подчиненіе ихъ Россіи. Всякій здравомыслящій славянофилъ или даже фанатикъ вѣшняго расширенія Россіи въ 1875 — 1877 гг., при видѣ пруссизма русской царской дипломатїи, долженъ бы былъ стать именно противникомъ абсолютизма въ Россіи, такъ какъ, именно при абсолютизмѣ, русскій императоръ всего легче становится прусскимъ наместникомъ въ Петербургѣ\*). Но г. Аксаковъ ухитрился громить петербургскую дипломатїю и восхвалять петербургскаго царя, проповѣдая при семъ, и какъ фактъ, и какъ догматъ, единство этого царя съ народомъ, который-де, въ противность дипломатїи, спитъ и видитъ освобожденіе своихъ заграничныхъ братьевъ.

Видя такое помраченіе духа московскаго оратора и видя, что значительная часть общества въ Россіи осыпаетъ его похвалами, вмѣсто того, чтобъ совершенно серьезно посоветовать его роднымъ полечить его, — а также слыша, что г. Аксаковъ находитъ въ давнихъ близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему наслѣднику, который, какъ рассказывали, даже ссорился изъ за нихъ съ гр. П. А. Шуваловымъ, правившимъ одно время Александромъ II и Россіей, — мы, нисколько не сомнѣваясь, что правительство Александра II падѣляетъ глупостей въ восточнымъ вопросѣ до войны, во время ея и послѣ, — и что г. Аксаковъ самъ возраститъ налку и на славянъ, и на самого себя, — думали только о томъ: какую же путаницу смастеритъ московскій краснобаи, когда

\*) Вѣдь вотъ же и Александръ III, послѣ всѣхъ анекдотовъ о его пруссофобїи и regnante Ignatievo, все такъ поѣхалъ въ Данцигъ и предалъ Востокъ и Герцеговину Австріи.

вступить на престолъ Александръ III, а краснобаи сей попадетъ въ придворные философы?! Вотъ тогда то мы вспомнили исторію Діонизія II и Платона. Мы себѣ представили Александра III, по слухамъ славянофила и даже нѣсколько, если не либерала, то охотника до земщины и неохотника до чиновничества, — желающимъ хоть нѣсколько разорвать съ политикою своего отца, — и г. Аксакова, который тутъ то и начнетъ мудрить и советъ окончательно съ толку петербургскаго тирана. По нашему разсчету, г. Аксаковъ непремѣнно долженъ былъ разыграть при Александрѣ III роль Платона при дворѣ Діонизія II, и мы позволѣли себѣ въ «Громадѣ» 1878 г. шуточно набросать нѣсколько деталей изъ ожидаемаго положенія. Конечно, событія нѣсколько видоизмѣнили наши предположенія, но въ основѣ они совершенно оправдались.

С. Петербургскій Діонизій, конечно, никогда не могъ быть такъ либерально настроенъ, какъ его сиракузскій предшественникъ. Но можно охотно повѣрить, что онъ совершенно искренно желалъ бы чѣмъ нибудь новымъ ознаменовать свое царствованіе и въ тоже время сбросить съ себя хоть часть непосильнаго бремени и отвѣтственности; можно повѣрить особенно, что онъ наглядно убѣдился въ негодности чиновническаго управленія и потому уже былъ бы еи прочь поставить свое правительство въ болѣе близкія, простыя и дѣловыя отношенія къ населенію. Правда, что насильственная смерть отца должна была ошеломить молодого самодержца, заставивъ его думать больше всего о личной охрѣнѣ и возбуждая у него отвращеніе къ освободительному движенію. Но та же самая смерть и вообще послѣдніе годы царствованія Александра II должны же были заставить Александра III подумать надъ системою, которая привела къ такимъ печальнымъ результатамъ. Предоставленный самому себѣ, не говоря уже о вліяніи сколько нибудь толковыхъ людей, быть можетъ, петербургскій Діонизій Младшій и додумался бы до чего нибудь путнаго. Но на бѣду судьба послала ему въ Менторы московскихъ философовъ, особенно г. Аксакова, — который довелъ несчастнаго гатчинскаго отшельника до самаго отчаяннаго положенія.

Московскій Платонъ придумалъ для своего ученика тоже своего рода геометрію, — но только нѣсколько самобытную. Какъ врагъ изобрѣтеній Запада, а также всего, являющагося во плоти, въ определенной формѣ, — ибо «точію духъ животворитъ», — московскій любомудръ придумалъ и геометрію «по духу»: фигуры краснорѣчія, особенно круги и спирали изъ числа тѣхъ, которые по латыни зовутся *circuli vitiosi*, а по русски заколдованные круги. Хоть три года вертись, — ни до чего не довертнешься, кромѣ головокруженія!

Ученикъ желаетъ получить наставленіе: что ему дѣлать въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ? — «Главное, говоритъ учитель, не уступай требованіямъ крамолы, не внимай совѣтамъ лживой интеллигенціи, опасайся лжеобщества, лжеземства, лженарода. Все это миражи и черги, идущіе съ чужаго поля, съ гнилаго запада. Мы тебѣ придума-

емъ нѣчто самобытное; народная самобытность — главное дѣло! Она была у насъ до Петра I, — а теперь пропала. Мы ее найдемъ назадъ, дома, въ Москвѣ!»....

Бѣдный ученикъ сейчасъ же готовъ бы ѣхать въ Москву, но пока въ ней устроить свою Гатчину, долженъ сидѣть въ Гатчинѣ Петербургской. Тамъ то онъ обдумываетъ урокъ, выслушанный отъ учителя: — Хорошо... Народная самобытность! Ну, а какъ такой же самобытности потребуютъ у меня всѣ народы моеи имперіи: хохлы, литвины, ляхи, пѣмцы и т. п.? Вѣдь этихъ нерусскихъ, или нечисто-русскихъ народовъ у меня, слава богу, до сорока миллионовъ. Потомъ: назадъ, въ Москву! Такъ вѣдь и въ Москвѣ былъ и Иванъ Грозный съ Малютою, былъ и царь Алексѣй съ боярами (и хпченіемъ!) были и земскіе соборы. Вѣдь вотъ жена слышала, есть такіе, которые говорятъ, будто эти соборы XVII в. все равно, что французскіе *états généraux* и англійскіе парламенты XIV в., т. е. тѣ же представительныя собранія гнилаго Запада, только въ зачаточномъ состояніи. Самъ Аксаковъ какъ будто то же самое думаетъ, какъ будто опасается, что теперь никакой земскій соборъ не ограничится старомосковскими «челобитіями» и «сказками» царю-государю, а сейчасъ же захочетъ вступить во всѣ права взрослыхъ парламентовъ, — опасается на столько, что поспѣшилъ мнѣ поднести уже въ печатномъ видѣ записку, поданную братомъ его моему родителю. А записка эта, послѣ всякой брани на чиновническій Петербургъ и всякой хвалы земской Москвѣ, упирается: только, пожалуйте, не созывайте земскаго собора. — Такъ что же мнѣ дѣлать то?

— «Не надо средостѣнія между царемъ и народомъ!» кричитъ на другой урокъ московскій Платонъ.

— Хорошо, не надо средостѣнія; безъ средостѣтія проще и дешевле. Только что же это за средостѣніе? По «Руси» выходитъ разъ, что это «либеральная интеллигенція», — въ другой, что это «бюрократія», а въ третій — все это вмѣстѣ: «либерально-бюрократическая интеллигенція». Такъ либеральная интеллигенція, кажется, и въ Петербургѣ никогда не поощрялось: прабабка Екатерина II, хоть и съ Волгтерами водилась, а все ни Новикову, ни Радищеву спуска не давала. Такимъ образомъ, безпорядки въ государствѣ врядъ ли могли произойти отъ недостатка бдительности за либеральною интеллигенціею. Бѣда, вѣрно, въ томъ, что въ Россіи допущена вообще интеллигенція. Можно бы было попробовать уничтожить эту интеллигенцію, если бы можно было безъ нея хоть оградить Аничковскій дворецъ отъ подкоповъ, не говоря уже объ арміяхъ, флотахъ, горныхъ заводахъ и т. п. Уничтожить бюрократію легче. Всего бы легче уничтожить либеральную бюрократію, посадивъ повсюду шефами бюрократовъ нелиберальныхъ, которые бы уже постепенно произвели подборъ низшихъ бюрократовъ. Такъ это уже пробовали и дѣдъ мой, и родитель, — по дѣду Россіи и даже безопасность царства отъ этого не процвѣли. Остается попробовать уничтожить всякую бюрократію, — и по временамъ мнѣ кажется, будто «Русь» намекаетъ на что то подобное.

\*) Следующая сцена описана почти с буквальной точностью в 59 № «Руси» за 1881 г.

передней «из букв слова, которая иной раз, чорт их знает, что и значить». \*) Но что сдѣлать съ И. С. теперешній петербургскій тиранъ, право, не догадаемся; только, навѣрное, что ипбуди тоже нехорошее.

Собственно на этомъ можно было бы намъ и окончить нашъ сравнительный этюдъ, — но мы предчувствуемъ, что читатель найдетъ его неполнымъ. — «А гдѣ же Діонъ?» — спроситъ читатель.

Требованіе чрезмѣрное и отъ природы, и отъ насъ, ея наблюдателя. Аналогія — не то же! Настоящаго Діона нѣтъ, теперь въ Петербургѣ и быть не можетъ. Діонъ все таки былъ и умный, и добродѣтельный человекъ, и подъ конецъ на революцію пустившійся, — и при этомъ родственникъ тирана. Не можетъ такой человекъ оказаться при дворѣ петербургскомъ. Правда, отдѣльные черты положенія Діона встрѣчаются и въ Петербургѣ, но въ разбросанномъ видѣ и совершенно самобытно сложенныя. Больше всего мы усматриваемъ Діоновскихъ чертъ въ гр. Игнатъевѣ. Во первыхъ, онъ пріятель московскаго Платона, — а во вторыхъ, довольно богатъ. Правда, Діонъ разбогатѣлъ не самъ, а получилъ богатство отъ отца, который по тогдашнему игралъ на тогдашней биржѣ. Гр. Игнатъевъ же самъ игралъ по нынѣшнему на нынѣшней биржѣ, но такъ какъ онъ это дѣлалъ въ Константинополѣ, — то можно сказать, что это былъ не теперешній Игнатъевъ, а какъ бы отецъ его, — тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ онъ будто совсѣмъ наново народился: въ Константинополѣ онъ революціонировалъ народы, въ Петербургѣ онъ ихъ усмиряетъ; — въ Константинополѣ онъ былъ «отецъ жи», въ Петербургѣ онъ вызываетъ отъ свѣдущихъ людей «слово правды». Больше же всего похожъ гр. Игнатъевъ на Діона своею страстью къ педагогикѣ. Хотя это сходство и en laid, но все же сходство, и крупное. Гр. Игнатъевъ не просто служитъ тирану, и не просто пасетъ и гонитъ телятъ російскаго Макара: онъ педагогствуетъ. По крайней мѣрѣ, самъ онъ о томъ заявляетъ въ своемъ французскомъ органѣ «Le Nord».

Тамъ, во 2 № за 1882 г., между прочимъ, расписуется значеніе и будущность изобрѣтеннаго гр. Игнатъевымъ «института» — свѣдущихъ людей. «Эти свѣдущіе люди, говоритъ «Le Nord», теперь представители русскаго общества, призванные по выбору правительства (чудо, что за опредѣленіе!) для разрѣшенія текущихъ вопросовъ, но въ извѣстное время (dans un temps donné; — какая алгебра!) будутъ безъ сомнѣнія болѣе примымы (геометрія, — хотя и неспаян: если уже не прямые, то хоть бы знать градусъ угла?) представителями земствъ. Эти свѣдущіе люди, организованные по всей Россіи въ постоянныя группы, которыя правительство будетъ

\*) Въ древности ходилъ анекдотъ, будто старшій Діонизій подшутилъ надъ Платономъ такъ, что его, по дорогѣ Аѳинъ, завезли на Эгину, которая тогда была въ войнѣ съ Аѳинами, и гдѣ Платонъ былъ проданъ въ рабство, но былъ, конечно, выкупленъ поклонниками. — «Яму молъ ничего — скажешь будто бы старый тиранъ, — онъ такой добродѣтельный человекъ, что и въ рабствѣ будетъ счастливъ». Шутка совершенно въ московскомъ вкусѣ, но требующая нѣкотораго остроумія, которымъ не всякій самодуръ обладаетъ.

приглашать, по мѣрѣ нужды, по частямъ (par fractions; — опять изъ алгебры!) болѣе или менѣе значительнымъ, содѣйствовать ему къ выработкѣ реформъ и которыхъ голосъ будетъ, какъ это уже и имѣло мѣсто, выслушиваемъ въ средѣ государственнаго совѣта, — эти свѣдущіе люди, говоримъ мы, научатся, посредствомъ частыхъ собраній въ столицѣ Россіи, подниматься отъ пониманія интересовъ мѣстныхъ и заботъ своихъ закоулковъ (des préoccupations de clocher) до интересовъ общихъ и истинно національных\*). Они составятъ со временемъ то, чего не достаеъ еще Россіи, — политическій классъ, принимая это слово въ его первоначальномъ (originelle) и практическомъ смыслѣ».

Ну, какъ же не педагогія?! Мы всегда думали, что «институтъ свѣдущихъ людей» есть совсѣмъ педагогическая выдумка, нѣчто въ родѣ ружей безъ пороха, или романсовъ безъ любви, которые сочинилъ покойный принцъ П. Г. Ольденбургскій для воспитанницъ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Представители общества. — его не представляющие; нѣкоторые образомъ если не парламентъ, то говорильня, — но безъ всякихъ правъ, наконецъ, свѣдущіе люди, которые признаются въ своемъ невѣдѣніи! Но до сихъ поръ можно было думать, что если это не игрушка для забавы общества и препровожденія времени правительства, такъ (въ лучшемъ случаѣ) это игрушка для пріученія самодержца не бояться представительства. А оказывается, что это педагогика въ серьезъ, надолго, — и при томъ педагогика для самихъ свѣдущихъ людей, которые будутъ обучаться наукѣ подниматься до общихъ интересовъ и прочаго такого. Хоть бы программу экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости по части этого подниманія скорѣе напечатать, — чтобы знать, что для сего курса требоваться будетъ, и сообразить, во сколько времени сей курсъ пройти можно? Вѣдь жизнь такъ коротка, а слово «со временемъ» — безконечно.

Да за одно бы уже обнародовать и аттестаты самихъ экзаменаторовъ для школяровъ новыхъ политическихъ классовъ, удерживаемыхъ въ Россіи, «по волѣ императора и замыслу гр. Игнатъева». Самъ то, напр., гр. Игнатъевъ гдѣ проходилъ курсъ политической зрѣлости и науки подниманія до интересовъ общихъ и истинно-національных? Сначала, кажется, въ нажескомъ корпусѣ, а потомъ въ Турціи?! Но ни тамъ, ни тамъ политическія науки что то не процвѣтаютъ! Да въ Турціи какъ имъ и процвѣтать, если тамъ высшія политическія науки преподаются визирями, изъ которыхъ, если бы кто и попался настоящій докторъ сихъ наукъ, такъ никогда не можетъ поручиться за полноту своего курса, ибо не вѣдаетъ ни дня, ни часа, въ онъ же его султанъ въ загрохотъ вытолкаетъ? Оттого тамъ высшею политическою наукою считается эквилибрис-

\*) Замѣчательно, что и французскій педагогъ, Гамбетта, какъ разъ это самое словечко: «les préoccupations de clocher» употреблялъ, добивался scrutin de liste, но французъ на что ужъ любилъ политическую педагогію, — а и тѣ догадался отправить самого педагога на прогулку и предпочелъ ему людей съ менѣе педагогическими наклонностями.

тика. И не сей ли наукѣ хочетъ обучить гр. Игнатъевъ «представителей русскаго общества, выбиравшихъ теперь правительствомъ», и будущихъ «болѣе прямыхъ представителей земствъ»? Такъ вѣдь обученный сей наукѣ «политическій классъ» въ Россіи давно уже существуетъ, такъ что въ простомъ народѣ и самое слово «политика» получило оригинальное (original, если не original) значеніе: жи и плутовства.

Повторяемъ, нѣтъ другаго способа создать настоящую политическую зрѣлость, какъ практика свободы. Всякія педагогическія затѣи со взрослыми людьми, даже искренне задуманныя, обыкновенно ни къ чему доброму не приводятъ. На эту мысль намекалъ даже Діону Сиракузскому его соперникъ и товарищъ по борьбѣ съ Діонизіемъ, Гераклидъ, когда отказался поступить въ число установленныхъ Діономъ свѣдущихъ людей, сказавши, что онъ ни что иное, какъ обыкновенный гражданинъ, и что онъ пойдетъ только въ народное собраніе вмѣстѣ со всеми другими гражданами. Діонъ не понялъ намека и донедогогствовался до весьма худого конца.

Мы никому не желаемъ такого конца и не беремся пророчествовать гр. Игнатъеву о его судьбѣ, хотя исполненіе нашего предсказанія гр. Лорнеу Меликову (См. «Созовья баснями не кормятъ») и соблазняетъ насъ предсказать такой или иной «полетъ въ бездну» и его послѣднику; мы отмѣтимъ только, какъ характеристическое совпаденіе, что намекъ, подобный сдѣланному Гераклидомъ Діону, сдѣланъ былъ и изобрѣтателю «института свѣдущихъ людей» въ Россіи новгородскимъ земствомъ, которое запретило своимъ должностнымъ лицамъ ностунать въ эту школу. Въ настоящее «народное собраніе, наравнѣ съ другими гражданами», новгородскіе земцы, конечно, пойдутъ охотно...

Подписанный гр. Игнатъева, мѣстный губернаторъ опротестовалъ этотъ намекъ новгородскихъ Гераклидовъ, — и всероссійскіе губернаторы, очевидно, не поняли его значенія. Тѣмъ хуже для губернаторовъ!

Впрочемъ, богъ бы съ ними, съ губернаторами и прочими политическими педагогами. — но страхъ беретъ за ту страну, гдѣ ужъ слишкомъ много охотниковъ губернаторствовать развелось, вотъ, напр., какъ теперь въ Россіи. И кто въ ней не губернаторствуетъ? И царь, и всѣ великіе князья губернаторствуютъ, и г. Аксаковъ педагогствуетъ, и гр. Игнатъевъ политическіе классы съ безконечнымъ курсомъ открываетъ, и «Голосъ», самъ только что выпущенный раньше срока изъ карцера, «внуздывать звѣри» собирается. — и даже редакція «Народной Воли» «на худой конецъ» собирается передавать власть надъ всеми народами Россіи уже даже не всероссійской палатѣ депутатовъ, (но нашему, такъ и этотъ конецъ, нельзя сказать, чтобы ужъ очень былъ добрый!) а просто «революціоннымъ представителямъ народа», т. е. самимъ себѣ. При видѣ такого распространенія у самыхъ разнообразныхъ россиянь охоты къ власти и къ педагогикѣ, и намъ приходится на мысль сочинить для спасенія простыхъ обывателей Россіи отъ этой бѣды если не новую экзетію, то хоть ма-

ленькую замѣну въ финалѣ Молитвы Господней:

«и не введи насъ во искушеніе власти, но избави насъ отъ педагоговъ!»

М. Драгомановъ.

## ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «ВОЛЬНОГО СЛОВА».

Сараево, 26 января.

Господинъ Редакторъ!

Въ открытомъ письмѣ моемъ, которое Вы напечатали въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ Вашей газеты и въ которомъ я провелъ параллель между положеніемъ моего отечества и положеніемъ Болгаріи, я обѣщалъ разсказать Вамъ подробнѣе о нашихъ страданіяхъ и объяснить, почему намъ подъ австрійской властью хуже, чѣмъ было даже подъ турецкою, а уже, конечно, несравненно хуже и невыносимѣе, чѣмъ болгарамъ или другимъ народамъ балканскаго полуострова, какъ бы дурно они ни управлялись. Давно бы я уже исполнилъ это обѣщаніе, еслибъ не думалъ, что это сдѣлаетъ кто либо другой, и еслибъ не хотѣлъ также видѣть, какой оборотъ примутъ наши дѣла. Но, хотя въ «В. С.» появилось довольно писемъ и статей о босно-герцеговинскихъ дѣлахъ, все таки никто не проникъ въ самую глубь положенія; въ другихъ же газетахъ все судятъ о насъ вкрявъ и вкось.

Когда Австрія совершила оккупацию, подавивъ сопротивленіе нашихъ домашнихъ турокъ (г. е. мусульманъ, Ред.), которые, видно, лучше насъ знали, что такое австрійцы, — то вслѣдъ за тѣмъ, что повая власть пойметъ свою задачу и устроитъ управление нашей страны, согласно потребностямъ настоящаго времени, а также и жизни и обычаямъ нашего народа. Вѣсто этого ввели къ намъ австрійцы тѣхъ пищихъ и невѣжественныхъ чиновниковъ, которые, какъ саранча какаля, обѣли нашу землю и не оставляютъ ее, пока все не пожрутъ и не высосутъ. Пришли съ ними люди и починцы. Это были іезуитскіе фратеры и агитаторы изъ Загреба, окружавшіе генерала Филипповича, которые всему православному въ Босніи хотѣли «до горла доѣхать» и на развалинахъ сербской народности основать великую католическую Хорватію. Филипповичъ съ этими людьми дѣйствовалъ такъ энергично, что пѣвцы въ Вѣнѣ и мадьяры въ Пештѣ побоялись успеха его плановъ и настояли на его отозваніи.

На его мѣсто прислали намъ герцога Вюртембергскаго, который хорватовъ больше покровительствовалъ, а все только объ одномъ и думалъ, какъ бы привлечь босняковъ мусульманъ. Подобно тому, какъ Филипповичъ ласкалъ и дарилъ каждого католика, Вюртембергъ старался показать, что и послѣдній нищій, если онъ мусульманинъ, милѣе ему и дороже, чѣмъ первые изъ христіанъ. Худшихъ злодѣевъ, извѣстныхъ своею жестокостію, какъ, напр., Ахмета Поздероца, увѣщавъ австрійскими орденами и все въ Вѣну отправлялъ мусульманскія депутаціи, увѣривши Цесаря, что католики въ Босніи безъ значенія, православные же всѣ преданы Россіи и что одинъ элементъ, на который правительство можетъ опереться, это босняки мусульмане, особенно землевладѣльческая аристократія. Въ этомъ смыслѣ и издавались законы и распоряженія, направленные къ тому, что бы вслѣдствіе поддерживать и увеличивать уваженіе къ мусульманскому закону, а также къ феодальнымъ

правамъ беговъ; съ христіанъ же не только собиравась, какъ и при туркахъ, третина для беговъ и десятина для власти, но еще и новыя подати, о которыхъ и турки не знали.

Нѣкоторое время, правда, былъ какъ бы поворотъ и въ нашу сторону. Вюртембергу придали въ помощники Іовановича \*), который, долго бывши австрійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Босніи, зналъ лучше положеніе дѣлъ. Онъ представлялъ своему правительству, что въ австрійскомъ интересѣ было бы искать опоры не въ католикахъ, которые слишкомъ слабы, и не въ мусульманахъ, изъ которыхъ каждый съ оккупацией потерялъ, такъ сказать, въ своей личности власть султанскую и, потому, приведеннымъ Австріи никогда не будетъ, — а въ православныхъ, составляющихъ значительное большинство въ странѣ. Все это было напрасно, и Іовановичъ скоро самъ убѣдился, что оставаться у насъ не можетъ.

Недолго послѣ него оставался и Вюртембергъ. Въ Вѣнѣ убѣдились наконецъ, что управлять онъ не умѣетъ и что, если, съ одной стороны, озлобилъ православныхъ и католиковъ, то мусульманъ привлечь не успѣлъ. Отличенные австрійскими орденами беги и спахи не смѣли показаться въ нихъ передъ своими единовѣрцами и кончили тѣмъ, что одинъ потерялъ всякое вліяніе, другіе же отослали свои ордена назадъ. На мѣсто Вюртемберга назначили генерала Далена, вообще говоря, человека почтеннаго, но въ политическомъ отношеніи совершеннаго нуля, который только подписываетъ, что ему представляютъ его секціоншеры, и исполняетъ законы и приказанія, что ему изъ Вѣны присылаютъ. Оттого все идетъ, какъ ни пошло, и чиновники безъ всякихъ убѣжденій или чувства, кромѣ непомерной жадности, крадутъ и грабятъ.

Теперь всѣ видятъ, католики, православные и мусульмане, что нечего болѣе надѣяться на какое либо благо отъ этихъ швабо-мадьяровъ и что ничего не остается болѣе, какъ всѣмъ возстать вѣсть и биться съ чужеземцами, пока ихъ не выгонятъ или сами не погибнутъ. Братья наши, Герцеговинцы, это уже и сдѣлали; только не поторопились ли они и не лучше ли было бы еще подождать немного, когда обстоятельства вѣншіи стали бы благоприятнѣе?...

У насъ пока ничего нѣтъ и до весны не будетъ; что будетъ весной, никто сказать не можетъ; тѣмъ болѣе, что австрійцы дѣлаютъ, что могутъ, чтобы вывести народъ изъ терѣнія. Подумайте только, что изъ за 2—3 гульденовъ недоимки продаютъ имущество поселянъ, да какъ продаютъ? Съ публичнаго торга, на который являются только швабы и швабскіе жида и гдѣ за добраго коня даютъ 5 гульденовъ, 10 гульденовъ за вола, 1 гульденъ за козу!

Изъ всѣхъ чиновниковъ самый жадный и жестокий, — секціоншеры, гофратъ Кристы (Christ), начальникъ финансоваго отдѣла въ боснійскомъ управленіи, не знающій, впрочемъ, ни земли, ни языка. Какой то боснякъ написалъ на него стихи по нѣмецки, которые гофратъ нашелъ на своемъ письменномъ столѣ:

Vater Unser der du in dem Himmel bist!  
Befreie uns von dem Hofrath Christ,  
Der uns Alles frist,  
Was der arme bosnische Bauer iszt!

Гофратъ Кристы отличился необыкновенно куснымъ составленіемъ отчета о финансовомъ управленіи, напечатанномъ въ австрійской красной

\*) См. № 24.

книгѣ, представленной делегаціямъ, и изъ котораго выходитъ, будто, за всѣми административными расходами, осталось 12,000 гульденовъ излишка; на дѣлѣ же, какъ я навѣрное знаю, остался недочетъ болѣе, чѣмъ въ 1 милліонъ гульденовъ, который народъ нашъ не заплатилъ и никогда не заплатитъ, потому что ему взять не откуда.

Православный Славянинъ изъ Босніи.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

## ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

XIV.

Рабочіе «союзы сопротивленія» въ Англіи. (Продолженіе) \*). Противорѣчіе ихъ стремленій съ тенденціями машиннаго производства. Непзвѣжность социальной революціи.

Эмансипаціонное движеніе англійскаго пролетаріата, какъ извѣстно, существенно отличается отъ этого же движенія на континентѣ. Въ противоположность социалистическимъ организаціямъ Франціи, Германіи, Испаніи и т. д., рабочіе союзы Англіи не строятъ свою агитацію и пропаганду на такомъ принципѣ или на такомъ теоретическомъ положеніи, которое въ самой основѣ подрывало бы современныи капиталистическій строй общества. Дѣятельность этихъ союзовъ и по формѣ, и по цѣлямъ строго легальна. Благонамѣренность ихъ такова, что они заслужили похвалу и сочувствіи даже со стороны такихъ лицъ, какъ Жюль Симонъ. И вообще едва ли найдется теперь много публицистовъ и экономистовъ, которые отрицательно высказывались бы по отношенію къ англійскимъ «союзамъ сопротивленія». Большинство же буржуазныхъ «соціально-реформаторовъ» видятъ въ нихъ прочную основу водворенія мира и гармоніи между капиталомъ и трудомъ, якорь спасенія отъ грознаго призрака социалистической революціи. И тѣмъ не менѣе, нигдѣ непримиримый антагонизмъ труда и капитала и неспособность буржуазіи управиться громадными производительными силами нашего времени, — нигдѣ, словомъ, непзвѣжность народной революціи для водворенія социалистическаго строя не проявляется съ такой очевидностью, какъ именно въ Англіи. Только крайняя теоретическая близорукость или стремленіе во что бы то ни стало, закрывать глаза передъ грозною перспективой можетъ вести къ такому ослѣпленію вѣншей формой рабочаго движенія въ Англіи и убаюкиванію себя успокоительными для буржуа иллюзіями, что теперешняя «умѣренность» «союзовъ сопротивленія» — прочный залогъ вѣчнаго общественнаго мира въ Англіи и непркосновенности существующихъ социальныхъ отношеній.

Стремясь не къ кореннымъ измѣненіямъ существующаго общественнаго строя, а только къ нѣкоторымъ улучшеніямъ быта рабочихъ, англійскіе союзы сопротивленія естественно прежде всего обращаютъ свои усилія на обезпеченіе достаточнаго для жизни рабочаго и его семьи заработка и въ особенности постоянства этого заработка. Для дости-

\*) Нынѣшняго генералъ-губернатора Далмаціи и главнокомандующаго въ Герцеговинѣ. Ред.

жения этой цѣли, помимо борьбы непосредственно за норму задѣльной платы, союзамъ прежде всего необходимо регулировать предложение труда. Ограничение рабочего дня съ тѣмъ, чтобы распределить данный запросъ на трудъ между возможно большимъ числомъ рабочихъ, ограничение женскаго и дѣтскаго труда, запрещеніе или, по крайней мѣрѣ, ограничение строгими правилами перехода отъ одного рода занятій къ другимъ — таковы главные способы регулированія рабочими союзами предложения труда съ цѣлью обезпеченія рабочимъ постоянства занятій и относительно высокой заработной платы. Безъ всякаго сомнѣнія, полувѣковая борьба громадныхъ рабочихъ союзовъ Англіи съ капиталомъ, борьба, стоившая англійскому пролетариату героическихъ усилий, имѣла для послѣдняго серьезные результаты. Законодательное ограничение труда дѣтей извѣстными возрастамъ, сокращеніе рабочего времени до 9 часовъ въ день, правительственный надзоръ за гигиеническимъ устройствомъ фабрикъ и мастерскихъ, поднятіе умственного и нравственнаго уровня рабочего класса — все это результатъ дѣятельности союзовъ сопротивленія. Но, если мы взглянемъ въ фактическія условія жизни рабочихъ классовъ Англіи, то мы увидимъ, что дѣйствительный результатъ ихъ громадныхъ усилий къ улучшенію своего быта сводится главнымъ образомъ только къ уменьшенію размѣровъ и интенсивности социальныхъ послѣдствій капиталистическаго хозяйства. Безъ энергическаго и стойкаго сопротивленія рабочихъ союзовъ, классъ капиталистовъ, опираясь на машины и всѣ повѣршія техническія изобрѣтенія, довела бы пролетаріатъ до такого матеріальнаго и нравственнаго состоянія, что онъ, подобно китайскимъ рабочимъ, оказался бы лишенымъ способности и потребности въ систематическомъ и солидарномъ отстаиваніи своихъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ интересовъ. Одинъ этотъ результатъ имѣетъ такое громадное значеніе для дальнѣйшаго эмансипаціоннаго движенія пролетаріата, что о плодотворности усилий «союзовъ сопротивленія» и рѣши быть не можетъ. Но вѣдь уменьшеніе интенсивности зла или предупрежденіе его чрезмѣрно сильнаго распространенія не устраняетъ еще вопроса не только о полномъ искорененіи этого зла — или точнѣе — его причины, но и о томъ, насколько достигнутое ослабленіе его дѣйствія прочно и всеобщее. Насколько не прочны завоеванія «союзовъ сопротивленія» относительно высоты заработной платы и способностей выдачи (деньгами, продуктами изъ хозяйскихъ лавокъ, пивныхъ и т. д.), — видно изъ непрерывающихся стачекъ въ Англіи, поводомъ къ которымъ является во многихъ случаяхъ требованіе возвращенія къ задѣльной платѣ, установленной нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Дѣле, законъ о рабочемъ времени до такой степени часто и со всевозможными ухищреніями на дѣлѣ обходится не только по волѣ хозяевъ, но и самихъ рабочихъ, — конечно, изъ крайней нужды, — что трудно сказать, — является ли соблюденіе его общимъ правиломъ, а нарушение — только исключеніемъ, или наоборотъ. Что касается до ограниченій дѣтскаго труда, то вотъ первая попавшаяся намъ цифра, указывающая, насколько дѣйствительны результаты усилий рабочихъ союзовъ въ этомъ направле-

ніи. Въ одномъ только хлопчатобумажномъ производствѣ въ десятилѣтіе съ 1861 по 71 г. число дѣтей возросло на 27,000. Съ 1850 по 1871 г. число дѣтей до 13 лѣтняго возраста въ одномъ только хлопчатобумажномъ производствѣ возросло: мальчиковъ на 261,2%, дѣвочекъ на 522,3%, между тѣмъ, какъ молодежи свыше 13 лѣтъ до 18 возросло только: мужчинъ на 8,8%, женщинъ на 46,6%. (Слово, 79 г., II, Н. Зиберъ). Число женщинъ, противъ конкуренціи которыхъ союзы также вслѣдствіи боролись, возросло въ шерстяномъ, хлопчатобумажномъ и льняномъ производствахъ въ теченіи 61—71 г. на 32,677, между тѣмъ, какъ число мужчинъ уменьшилось въ этотъ промежутокъ времени въ тѣхъ же производствахъ на 20,000. Такимъ образомъ и въ дѣлѣ регулированія предложения труда и рабочихъ рукъ союзамъ не удалось осуществить своей цѣли. А разъ рабочіе не завладѣли регулированіемъ отношеній между предложеніемъ и запросомъ на трудъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ не могли осуществить и остальныхъ своихъ цѣлей относительно прочнаго улучшенія условій ихъ матеріальнаго политическаго и интеллектуальнаго существованія. Чѣмъ сильнѣе предложеніе «рабочихъ рукъ» относительно запроса на нихъ со стороны капитала, тѣмъ больше власть его надъ ними, тѣмъ сильнѣе зависимость рабочихъ отъ хозяевъ. Въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ и парламентскихъ комиссій содержатся многочисленные факты уклоненія рабочими — даже членами союзовъ — отъ показаній относительно соблюденія со стороны хозяевъ разныхъ постановленій парламента о дѣтскомъ и женскомъ трудѣ, о рабочемъ времени и т. д. — изъ опасенія мести хозяевъ. Но еще несравненно хуже положеніе тѣхъ сотенъ тысячъ рабочихъ, которые, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, не состоятъ въ определенной сферѣ труда, а являются поденщиками, чернорабочими, живутъ болѣе или менѣе случайными занятіями, ведя кочевой образъ жизни. Далѣе, слѣдуютъ такъ называемые пауперы, число которыхъ доходитъ въ нѣкоторые годы до милліона и болѣе. Все это указываетъ, что до сихъ поръ обширные рабочіе союзы Англіи не достигли и въ отдаленной степени своей цѣли — прочнаго улучшенія быта рабочихъ классовъ. Единственный осязательный результатъ ихъ чрезвычайныхъ систематическихъ усилий въ теченіи, по крайней мѣрѣ, полувѣка, это — во первыхъ, сохраненіе одной части пролетаріата отъ еще болѣе жестокаго эксплуатаціи капиталомъ, чѣмъ это было бы безъ вмѣшательства рабочихъ коалицій, во вторыхъ, воспитаніе въ значительной части пролетаріата привычекъ къ солидарному дѣйствію, поднятіе его нравственныхъ, умственныхъ, общественныхъ и вообще культурныхъ потребностей. Но затѣмъ необходимо возникаетъ вопросъ: въ силу какихъ причинъ «союзы сопротивленія» Англіи не могли до сихъ поръ, не смотря на свои громадные средства и удивительную стойкость въ борьбѣ, добиться осуществленія своихъ цѣлей?

Мы уже видѣли, что главный путь для улучшения быта рабочихъ, на который устремлены усилія рабочихъ союзовъ Англіи, это — регулированіе предложения труда не только сокращеніемъ рабочего времени, но и ограниченіемъ доступа въ среду производства дѣтями и женщинамъ и даже взрослымъ мужчинамъ, не-

обучавшимся въ теченіи извѣстнаго времени данному ремеслу. Мы здѣсь не станемъ касаться реакціонной и антигуманитарной стороны этихъ стремленій, особенно по отношенію къ взрослымъ работникамъ и женщинамъ, изъ которыхъ большинству, въ случаѣ полного исключенія изъ сферы производства, ничего не оставалось бы, кромѣ проституціи или голодной смерти. Но эта тенденція «союзовъ сопротивленія», на сколько она имѣетъ въ виду прочное и всеобщее улучшеніе быта рабочихъ классовъ (о коренномъ измѣненіи ихъ социального положенія я уже не говорю), основана на полнѣйшемъ непониманіи законовъ современнаго экономическаго строя, покоющагося на крупномъ производствѣ и машинахъ, сберегающихъ трудъ. По вычисленіямъ Каппенды («Вліяніе машинъ»), въ 1798 г. производительная сила машинъ равнялась 10 милл. «рабочихъ рукъ», въ 1817 г. — уже 200 милл., а въ 71 г. — 1,000,000,000. Въ 1817 г. отношеніе производительныхъ силъ къ совокупности рабочихъ силъ было 37: 1, а въ 1871 г. — 133: 1 \*). Одна машина въ хлопчатобумажномъ производствѣ «stretcher» производила съ помощью одного рабочаго въ 1810 г. — 400 ф. пряжи, а въ 1832 г. — 1200. Въ то время, какъ въ среднѣйшій прошлаго столѣтія одинъ хлопчатобумажный прядильщикъ работалъ однимъ веретенномъ, постѣ изобрѣтеній Аркрайта и Уатта и введенія пара, онъ оказался способнымъ управиться 3,036 веретенами.

Это страшное «сбереженіе труда», свойственное крупному машинному производству, проявляется въ буржуазномъ обществѣ прежде всего въ вытѣсненіи «рабочихъ рукъ» изъ мастерской или, по крайней мѣрѣ, замѣнѣ мужчинъ женщинами, взрослыхъ работниковъ дѣтьми, искуснаго, обучающагося ремеслу рабочаго неискуснымъ. Такимъ образомъ, стремленіе ограничить конкуренцію между рабочими прегражденіемъ доступа въ производство разнымъ категориямъ рабочей силы оказывается въ коренномъ противорѣчій съ тенденціей машинъ къ уменьшенію потребности въ мускульной силѣ и спеціальной технической подготовкѣ рабочаго, и къ «сбереженію» труда. Неудивительно, что въ этой неравной борьбѣ пролетаріатъ, даже и организованный въ сильныя коалиціи, не могъ одержать побѣды и, тѣмъ болѣе, достигъ какихъ нибудь прочныхъ результатовъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ эта форма борьбы рабочаго съ капиталомъ дѣлается все болѣе и болѣе трудной и менѣе успѣшной, даже съ точки зрѣнія минутныхъ выгодъ. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, рабочій классъ одержать какую нибудь серьезную побѣду надъ капиталомъ, когда мы видимъ, что въ то время, какъ въ 1829 году 35 большихъ фабрикъ (въ шерстяномъ производствѣ) съ 624,074 веретенами давали занятіе 1000 прядильщикамъ, въ 1841 г. онѣ давали занятіе всего 487 прядильщикамъ при 736, 128 веретенахъ \*\*). Въ теченіи 1861—71 г. общее число шелкоковыхъ прядильщиковъ уменьшилось на 35,000; но авторъ статьи «Jahrbuch'a, у котораго я заимствую эту цифру, не указываетъ цифры возрастанія дѣтей и женщинъ на счетъ взрослыхъ мужчинъ.

\*) Jahrbuch für Socialwiss. und Socialp. Zurich. 1880 г., стр. 284.

\*\*) Экаріусъ. Возраженія противъ Д. С. Милля.

Съ какою быстротою возрастаетъ вытѣсненіе рабочаго машинной видно изъ слѣдующихъ цифръ. Въ двадцатилѣтній промежутокъ времени—1841—1861 г.—число земледѣльческихъ рабочихъ въ Великобританіи уменьшилось на 159,000; въ десятилѣтній же періодъ 61—71 г. цифра уменьшенія земледѣльческихъ рабочихъ въ Соединенномъ королевствѣ поднялось на 698,628. Въ первомъ періодѣ цифра ежегоднаго уменьшенія земледѣльческихъ рабочихъ не достигала 8000, во второмъ—она равнялась почти 70,000, т. е. удвѣятерилась. Съ какою быстротою должно далѣе развиваться это «сбереженіе труда» машинной, видно изъ того, что въ 1876 г. одна жатвенная машина равнялась рабочей силѣ 10 человѣкъ, и такихъ машинъ въ этомъ году употреблено было сельскими хозяевами до 40,000.

При такомъ могуществѣ машинъ въ дѣлѣ вытѣсненія рабочей силы, и тѣ немногія, хотя и непрочныя побѣды рабочихъ союзовъ надъ капиталомъ можно бы считать чудомъ, если бы неизвѣстны были два обстоятельства, благоприятствовавшія усиліямъ этихъ союзовъ. Первое—это громадная высылка низшихъ классовъ въ колоніи, а больше всего въ Соединенныя Штаты, высылка, которымъ не мало содѣйствовали сами рабочіе союзы не только морально, но и тратой крупныхъ суммъ изъ своего бюджета. Съ 1820 г. по 1873 изъ Великобританіи эмигрировали 8,069,325 человѣкъ. Между тѣмъ, какъ въ періодъ 1820—1834 гг. средняя цифра ежегодной эмиграціи равнялась приблизительно 32,000, въ періодъ 40—78 гг. она превышала 200,000 \*).

Второе обстоятельство, нѣсколько смягчавшее вліяніе машинъ на уменьшенія запроса на «рабочіи руки», было почти монопольное господство Великобританіи на всемірномъ рынкѣ до еще очень недавняго времени. Тенденція машинъ къ «эмансипаціи» капитала отъ притензій пролетаріата до нѣкоторой степени уравновѣшивалась громаднымъ запросомъ на продукты англійской промышленности, благодаря которому, не смотря на быстрый прогрессъ машиннаго производства, все-таки возрасталъ и запросъ на трудъ—хотя, конечно, далеко не пропорціонально разширенію размѣровъ производства. Но это господство Англіи на всемірномъ рынкѣ видимо близится къ концу по мѣрѣ промышленнаго развитія другихъ странъ. Всего 30 лѣтъ тому назадъ Англія была «единственнымъ производителемъ» въ хлопчатобумажной индустріи. Теперь же мы видимъ, что изъ 71,250,000 веретенъ, дѣйствовавшихъ въ концѣ 79 г. въ этой индустріи во всемъ мірѣ, на другія страны приходится уже 31,750,000 веретенъ, изъ которыхъ на одну Америку 10,050,000. Въ производствѣ желѣза Америка уже недалеко отъ Англіи: вторая произвела въ 79 г. 11,250,000 тоннъ, первая — 8,140,000. Въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ производствѣ каменнаго угля въ Англіи равнялось 31.57%, во Франціи 38.04%, въ Германіи — 71.48%, въ Соединенныхъ Штатахъ — 120.08%. Наконецъ, чтобы не слишкомъ растягивать свое письмо, укажу еще только на тотъ фактъ, что довольно замѣтно возрастаетъ ввозъ въ Англію мапуфактурныхъ товаровъ. Въ 73 г. ввезено было на 35 мил. ф. ст., а въ 77 г. уже

на 46 мил. \*) Не только стало быть уменьшается относительно вывозъ англійскихъ продуктовъ въ другія страны, но и увеличивается ввозъ продуктовъ иностранной обработки въ нашей промышленности.

Рядомъ съ возрастающимъ суженіемъ рынка для англійскихъ товаровъ сокращается и поле для эмиграціи «излишнихъ рабочихъ рукъ», такъ-какъ въ главномъ пунктѣ этой эмиграціи — С. Шт. имѣется уже свой очень значительный пролетаріатъ, въ свою очередь вытѣсняемый машинами и далеко не всегда находящій приложеніе для своей мускульной силы. Ясное дѣло, что, при дальнѣйшемъ неизбежномъ прогрессивномъ развитіи этихъ явленій, рабочіе союзы не смогутъ удержаться даже на той позиціи, которую имъ удалось такими громадными усиліями завоевать при сравнительно болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, — и принципиальное противорѣчіе интересовъ пролетаріата (и всей цивилизаціи) и капиталистическаго хозяйничанья безмѣрнымъ производительнымъ силами будетъ выступать все и рѣзче рѣзче.

Мы до сихъ поръ разсматривали только постоянное, если только такъ можно выразиться, нормальное дѣйствіе машинъ въ современномъ обществѣ на судьбу рабочихъ классовъ. Но еще рѣзче выступаетъ классовый антагонизмъ и внутренніе противорѣчія ему. Экономическіе кризисы являются неизбежнымъ послѣдствіемъ двухъ параллельныхъ явленій, порождаемыхъ машиннымъ производствомъ, управляемымъ личными интересами класса капиталистовъ. Машины въ капиталистическомъ хозяйствѣ, съ одной стороны даютъ возможность производить громадныя массы продуктовъ, а съ другой, — «удешевляя» рабочую силу, — относительно уменьшаютъ покупательныя средства рабочаго класса, т. е. совокупности громаднаго большинства покупателей этихъ продуктовъ. Такъ, въ то время, какъ цѣнность «произведеннаго богатства» возросла съ 251,000,000 въ 1823 до 1,200,000,000, слѣдовательно, увеличилась въ 5 разъ, годовоіи доходъ рабочихъ классовъ возросъ за этотъ же періодъ съ 90 м. ф. ст. приблизительно до 300 м., т. е. менѣе, чѣмъ въ 3 1/2 раза. \*\*) Такимъ образомъ, рядомъ съ постоянно убывающимъ запросомъ (сначала сравнительно съ расширеніемъ размѣровъ производства, а затѣмъ и абсолютно) на «рабочіи руки» и съ «удешевленіемъ труда» идетъ спешное ростъ производительныхъ силъ и массы производительныхъ вещей. Ясное дѣло, что, по мѣрѣ обостренія этого противорѣчія между ростомъ производительныхъ силъ современнаго общества и уменьшеніемъ доли (я не говорю объ абсолютной величинѣ) низшихъ классовъ въ создаваемыхъ этими силами богатствахъ, должны учащаться и усиливаться въ своей интенсивности моменты переполненія рынковъ товарами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и н застоя въ производствѣ и торговлѣ. Такъ, когда въ теченіи 70—73 гг. цѣнность продуктовъ всѣхъ странъ удвоилась, между тѣмъ, какъ очень хорошо извѣстно, что покупатель-

ныя средства рабочихъ далеко не пропорціонально этому возросли, то и разразился всемірный кризисъ, послѣдствія котораго и теперь еще повсюду чувствуются. Разумѣется, каждый кризисъ влечетъ за собою всеобщую безработицу и, увеличивая конкуренцію между рабочими, влечетъ за собою крупныя пониженія заработной платы съ одновременнымъ увеличеніемъ рабочаго времени. Въ то же время, масса лицъ изъ мелкой буржуазіи разоряется и увеличиваетъ собою ряды пролетаріата, который уже и безъ того страдаетъ отъ «резервной арміи» «рабочихъ рукъ», производимой машинами и служащей орудіемъ въ рукахъ капиталистовъ для обуздыванія «стѣснительныхъ» претензій организованныхъ работниковъ на участіе въ матеріальныхъ и умственныхъ завоеваніяхъ современной цивилизаціи.

Промышленные кризисы являются такимъ образомъ въ свою очередь новою причиною еще большаго ухудшенія положенія немущихъ классовъ, еще большаго подчиненія ихъ капиталу. И такъ какъ быстрое развитіе крупной индустріи во всѣхъ передовыхъ странахъ производить тѣ же противорѣчія, которыя выше указаны относительно Англіи, то кризисы грозятъ сдѣлаться явленіемъ хроническимъ и повсемѣстнымъ. Уже теперь, едва только прекратился кризисъ 70-ыхъ годовъ, съ разныхъ сторонъ предсказываютъ приближенія новаго, еще болѣе грознаго промышленнаго и торговаго кризиса. Какъ безсильны рабочіе союзы, даже англійскіе, передъ такимъ явленіемъ, видно изъ того, что въ 79 г. 3 изъ нихъ имѣли дефицита 134,830 ф. ст. — около 1,300,000 рубл. Относительно другихъ союзовъ мы не имѣемъ точныхъ данныхъ. Причинна же дефицита, съ одной стороны, невозможность для многихъ членовъ дѣлать правильно свои взносы въ кассу, а съ другой—громадные расходы на поддержку лицъ, лишенныхъ кризисомъ работы. Такъ, только 5 рабочихъ обществъ израсходовали на это въ 79 г. 290,151 ф. ст. — около 3 мил. рублей. Недалеко то время, когда рабочимъ коалиціямъ не будетъ никакой возможности своими средствами смягчать, хотя бы и въ малой степени, бѣдствія, производимыя кризисами. Нечего затѣмъ еще прибавлять, что, если и до сихъ поръ кризисы и парализовали въ громадной степени усилія «союзовъ сопротивленія» поставить рабочихъ, какъ продавцевъ рабочей силы, сколько нибудь на равную ногу съ капиталистами-покупателями этой силы, то при дальнѣйшемъ неизбежномъ повтореніи этихъ кризисовъ, они окончательно сдѣлаются безсильными на своемъ старомъ пути.

Что же дальше? Но тутъ уже противорѣчія капиталистическаго хозяйства достигли такого развитія и такой конкретности, что и слѣпой виднѣть невозможность ни социальной гармоніи, ни дальнѣйшаго прогресса безъ кореннаго измѣненія современнаго общественно-экономическаго строя. Хроническій застой въ производствѣ, причиняющій неизчислимыя бѣдствія громадному большинству общества, въ то время, какъ чрезвычайныя производительныя силы при рациональномъ управленіи ими могли бы сдѣлать-

\*) Jahrb. für Soc. und Socialp., 81 г. стр. 198—199.

\*\*) Jahrb., 81 г. 203—205.

\*) Общая цифра эмиграціи первого періода — 481,391, второго (т. е. 1840—78) — 7,617,924.

ся источником всеобщаго благосостоянія, — фактъ этотъ слишкомъ наглядно и убѣдительно покажетъ всѣмъ и внутреннее противорѣчіе социальнаго строя, основаннаго на коллективномъ, а потому страшно производительномъ трудѣ, и въ то же время находящемся въ конфликтѣ со всѣми средствами производства въ исключительномъ распоряженіи нѣсколькихъ капиталистовъ. И въ этотъ то моментъ, организованная рабочая масса Англіи окажется страшнымъ и побѣдоноснымъ врагомъ крупной буржуазіи. Разъ, «союзы сопротивленія», силою вещей дойдутъ до сознанія принципиальнаго антагонизма между трудомъ и капиталомъ и невозможности дальнѣйшаго развитія націи при управленіи ея экономическими средствами частными капиталистами, они пустятъ въ ходъ всю свою энергію на социалистическую реорганизацию общества. А долгое упражненіе въ солидарномъ дѣйствіи, въ самоуправленіи и контролированіи за экономической жизнью страны выработало въ этихъ рабочихъ организаціяхъ способности и умѣнье совершить такой переворотъ съ гораздо большимъ успѣхомъ и быстротой, чѣмъ это могли бы сдѣлать въ настоящую минуту передовые элементы пролетаріата менѣе промышленныхъ странъ, не смотря на то, что въ идейномъ отношеніи они пока значительно опередили англійскихъ рабочихъ.

П. Ансельродъ.

Р. S. Въ своей замѣткѣ по поводу силтень «Neue Freie Presse» о «Вольномъ Словѣ» и о русской эмиграціи въ Женевѣ, редакціи «Вольнаго Слова» не назвала моего имени, какъ автора «Писемъ о рабочемъ движеніи». Для того, чтобы кто нибудь не подумалъ, что я желаю сохранить въ тайнѣ свое сотрудничество въ «Вольномъ Словѣ» отъ своихъ товарищей по революціонной средѣ, къ которой я имѣю честь принадлежать, — я считаю нужнымъ заявить печатно, что я авторъ, какъ «Хр. раб. дв.», такъ и «Писемъ о рабочемъ движеніи»; хотя я и нахожу излишнимъ подписываться подъ этими статьями, я тѣмъ не менѣе на этотъ разъ дѣлаю отступленіе. Мое личное отношеніе къ вопросамъ русской жизни я высказалъ въ особой статьѣ — въ отвѣтѣ И. П.

### МЕЛОЧИ.

Удивительно, какъ это иностранныя газеты, не смотря на то, что имѣютъ своихъ репортеровъ въ Петербургѣ, перевираютъ относящіяся до русской жизни извѣстія и частнаго, и правительственнаго характера. Такъ, на дняхъ, почти во всѣхъ большихъ газетахъ германскихъ и австрійскихъ помѣщены телеграммы и корреспонденціи изъ Петербурга, извѣщавшія, что «Голосъ» подвергнуть административному взысканію за двѣ статьи антипанславистскаго направленія. Въ дѣйствительности же «Голосу» воспрещена розничная продажа и дано первое предостереженіе за то,

что, какъ сказано въ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 января, «во второй передовой статьѣ № 20-го и въ третьей передовой статьѣ № 21-го» этой газеты «заключается совершенно неправильное истолкованіе напечатанныхъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» сообщеній и заподозриваніе ихъ официального значенія». Упомянутыя же неправильныя истолкованія относились до закона о срокахъ военной службы, неимѣющаго ничего общаго съ какими бы то ни было партіонными стремленіями.

Французскіе позитивисты, называющіе себя также «искренними республиканцами», почему-то сочли нужнымъ послать Гамбеттѣ сочувственный адресъ. Интересно знать, съ которыхъ поръ стремленіе къ единоличной власти, на чемъ собственно и провалился глава карикатурнаго «великаго министерства», стало признакомъ «республиканской искренности» и догматомъ позитивной философіи?

Неизвѣстно, для какой надобности пущенный одною парижскою газетою и за тѣмъ повторенный женевскою «Трибуною» и «Кенгсбергскою газетою» слухъ о прибытіи въ Женеву г-жи Софіи Бардиной, сосланный въ Сибирь въ концѣ 1877 года, — не подтверждается.

### ЛИТЕРАТУРНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Типографіи «Вольнаго Слова»

(Genève, Chemin Dancet, 15)

продаются отдѣльными сброшюрованными изданіями:

### „ВОЛЬНОЕ СЛОВО“

за 1881 годъ, 20 №№.

Цѣна 10 франковъ.

### ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША И ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

М. Драгоманова.

(Отдѣльные оттиски изъ «Вольнаго Слова», пересмотрѣнные и дополненные).

Цѣна 3 фр. 50 сент.

Въ librairie H. GEORG можно имѣть:  
Русская социальна-революціонная бібліотека:

П. Л. Лаврова.

18 МАРТА 1871 г. Ц. 3 фр.

### ШЗФЛЕ.

### СУЩНОСТЬ СОЦІАЛИЗМА

Съ примѣч. П. Л. Лаврова.

Цѣна 2 фр. 50 сент.

### НОВІ УКРАЇНСЬКІ ПІСНІ ПРО ГРОМАДСЬКІ СПРАВИ. (1764 — 1880). 3

«Громади» 1881. Ц. 3 фр. Історія України въ Росіи і Австро-Венгрії отъ конца Гетьманщини, роздѣловъ Польши і раззоренія Сичи до послѣдняго временн, по народнимъ піснямъ: національное сознаніе въ украинскомъ народѣ; память о прежней политической автономіи, особливо Сичи; крѣпостное право і реакція ему: побѣги, поджоги, убійства, бунты; пропаганда польская і украинофильская до 1848 г.; эманципація крестьянъ въ Австріи въ 1848 г.; польское движеніе і венгерская революція 1848—1849 г.; украинскіе крестьяне въ вѣискомъ парламентѣ; инвентария правъ 1847 — 1848 гг. въ Правобережной Україні въ Росіи; эманципація крестьянъ въ Росіи і польское возстаніе (1861 — 1864); государство въ новыхъ украинскихъ пісняхъ: суди, полиція, рекрутщина, царь і цесарь; богачи, фабрики, жида і попы въ новѣйшихъ пісняхъ. — Украинскія политическія пісни сравнены съ польскими і великорусскими.

КОБЗАРЬ Т. ГР. ПЕВЧЕНКА.

Виданья стереотипе. Книжка перша і друга

Цѣна 2 фр.

Окачиваются печатаньемъ:

MARIJA, MATY ISUSOWA.

Wirsi Szewczenka

z uwahamy M. Drahomanowa.

ГРОМАДА, українська збірка, впорядкована М. Драгомановим. Том V.